

ПРОФЕССИЯ - ПУТЕШЕСТВЕННИК

**ЮРИЙ
СЕНКЕВИЧ**

**С ХЕЙЕРДАЛОМ
ЧЕРЕЗ
АТЛАНТИКУ**

**О СИЛЕ ДУХА
В ДИКИХ УСЛОВИЯХ**

Профессия: путешественник

Юрий Сенкевич

**С Хейердалом через Атлантику.
О силе духа в диких условиях**

«Алгоритм»

2017

УДК 910.4(261)
ББК 26.8г

Сенкевич Ю. А.

С Хейердалом через Атлантику. О силе духа в
диких условиях / Ю. А. Сенкевич — «Алгоритм»,
2017 — (Профессия: путешественник)

ISBN 978-5-906914-89-7

Слабый становится сильным, робкий – отважным, обидчивый – великодушным, если ими движет единая достойная цель. (Юрий Сенкевич) Могли ли египтяне на своих папирусных добраться до Нового Света? Этим вопросом в далеком 1969 году задался легендарный ученый Тур Хейердал и отправился в беспрецедентную научную экспедицию на копиях древних судов. На должность врача ученый пригласил молодого военного медика Юрия Сенкевича. День за днем будущий создатель «Клуба путешественников» вел записи, подробно рассказывая обо всех трудностях, которые им приходилось преодолевать. «Словно по заказу тех же психологов, обстоятельства позаботились о том, чтобы эксперимент с каждым часом усложнялся дополнительными обстоятельствами...», – вспоминал Юрий Сенкевич. Голод, нечеловеческие условия, ежеминутный риск для жизни, – все это спланивало и ожесточало одновременно. К концу экспедиции все мечтали лишь о возвращении домой, но на следующий год Юрий Сенкевич записал в своем дневнике: «...Сегодня, спустя год, мы опять в океане. И опять в контракте, подписанном каждым из нас, сказано: “...рискую и сознаю, что иду на риск”»...

УДК 910.4(261)

ББК 26.8г

ISBN 978-5-906914-89-7

© Сенкевич Ю. А., 2017

© Алгоритм, 2017

Содержание

Вместо предисловия	7
На «Ра» через Атлантику	9
Глава первая	10
Глава вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юрий Александрович Сенкевич С Хейердалом через Атлантику. О силе духа в диких условиях

© Ю. Сенкевич, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вместо предисловия

– Почему бы вам не взять с собой в следующую экспедицию русского?

С таким вопросом обратился ко мне президент Академии наук СССР М.В. Келдыш, когда я приехал в Советский Союз по приглашению одного из академических институтов после моей археологической экспедиции на остров Пасхи в Тихом океане.

Я не забыл этого предложения, и через несколько лет академик Келдыш получил письмо, которое его, должно быть, немало удивило. Я готовил плавание через Атлантический океан из Африки в Америку на папирусной лодке, и мне хотелось взять с собой экспедиционным врачом русского. Условия: он должен владеть иностранным языком и обладать чувством юмора!

О медицинской квалификации я ничего не писал, так как и без того не сомневался, что Академия наук подберет первоклассного специалиста. Не говорил я и о том, что нужен человек крепкий, здоровый и смелый, – все эти качества тоже сами собой подразумевались. Вот почему я ограничился просьбой подобрать человека, обладающего чувством юмора и говорящего на иностранном языке. Не все отдают себе отчет в том, что добрая шутка и смех – лучшее лекарство для души, лучший предохранительный клапан для людей, которым предстоит неделями вариться в одном котле, работая в трудных, подчас даже опасных условиях.

Президент Келдыш передал мое письмо в Министерство здравоохранения, там выбрали молодого исследователя, медика Юрия Александровича Сенкевича, и он тотчас согласился.

А через несколько недель мы с Юрием впервые встретились на аэродроме в Каире, незадолго до того, как папирусную лодку «Ра» увезли с площадки у пирамид туда, где должно было начаться экспериментальное плавание через океан. Мы никогда раньше не видели друг друга. Нам предстояло вместе плыть на нескольких связках папируса, вместе жить на них день и ночь, неделями, быть может, месяцами. Трудно сказать, кто больше волновался перед первой встречей – Юрий или я. После Юрия рассказал мне, что он выпил стопочку в самолете, чтобы быть поостроумнее!

Мы с первой минуты стали друзьями. Академия наук и Министерство здравоохранения правильно поняли, какой экспедиционный врач нужен нам на нашей маленькой папирусной лодке. Выбор пал на одаренного молодого ученого, сильного и здорового, как русский медведь, смелого и верного, веселого и дружелюбного.

Двадцать пятого мая 1969 года семь человек из семи стран ступили на борт папирусной лодки в порту Сафи, в Марокко. Русский врач, американский Штурман, египетский аквалангист, мексиканский антрополог, плотник из Республики Чад в Центральной Африке, итальянский альпинист и я сам, норвежец, руководитель эксперимента. Когда мы спустя два месяца уже в американских водах покинули пропитанные водой связки папируса, то чувствовали себя не просто друзьями, а почти братьями. У нас позади были общие радости и невзгоды, общая работа на нашем кораблике, где жизнь и благо каждого зависели от товарищей.

Чтобы не рисковать понапрасну жизнью людей в научном эксперименте, я как руководитель прервал плавание незадолго перед тем, как мы достигли Вест-Индских островов. Мы убедились, что папирус – вполне пригодный материал для строительства лодок, при условии что лодку строят и управляют ею люди, знающие в этом толк. Следовательно, представители древних культур Средиземноморья вполне могли пересечь океан и доставить ростки цивилизации в далекие края. И мы доказали, что люди из разных стран могут сотрудничать для общего блага, даже в предельной тесноте и в самых тяжелых условиях, невзирая на цвет

кожи и политические и религиозные убеждения. Достаточно уразуметь, что можно большего достичь, помогая друг другу, чем сталкивая друг друга за борт.

О прочности нашей дружбы лучше всего говорит то, что вся семерка собралась вновь в порту Сафи через десять месяцев, с тем чтобы спустить на воду папирусную лодку «Ра-2» и сделать новую попытку пересечь Атлантику на более совершенном суденышке, вооруженными практическим опытом первого плавания.

В последнюю минуту семейные обстоятельства вынудили нашего друга из Чада остаться, но его место занял другой африканец, бербер из Марокко. Кроме того, к нам присоединился японский кинооператор. И восемь человек с востока и запада, с севера и юга пересекли Атлантический океан и благополучно сошли на берег Америки. Юрий Александрович Сенкевич участвовал в обоих плаваниях, и в этой книге он рассказывает о наших приключениях так, как он их воспринимал.

Тур Хейердал, Колла Микери, 17 апреля 1971 года

На «Ра» через Атлантику

То, что объединяет человечество, является естественным и должно поощряться, и, наоборот, то, что разъединяет людей, является искусственным и должно быть преодолено.

Тур Хейердал

В обоих плаваниях «Ра» я вел подробные дневники; после возвращения мне пришлось часто выступать с лекциями, некоторые из них записывались на пленку, так что накопилась изрядная фонотека. Выдержки из медицинских отчетов и иных документов тоже, казалось, могли пригодиться. Собственно, книга уже была, в набросках, в разрозненных строчках и перебеленных страницах, – книга была – и все же ее не было, потому что как сгруппировать, распределить и связать весь этот материал, я не знал.

Тем временем моими дневниками заинтересовался пионерский журнал «Костер». Я стал бывать в его редакции – и познакомился там с милым и обаятельным Феликсом Нафтутьевым. Мы очень быстро подружились, благо оба любили морские путешествия и детей. Вскоре я уговорил его заняться вместе этой книгой.

Работали мы долго и трудно, и что из этого вышло, судить не нам. Однако в любом случае я должен поблагодарить журналиста Ф. Нафтутьева за большую помощь, которую он мне оказал.

Мне хочется также выразить чувство искренней благодарности и признательности всем тем, кто прямо или косвенно участвовал в подготовке этих двух экспедиций.

Глава первая

Как кончалось прошлогоднее плавание. – На борту «Шенандоа». – Что нам делать с корабликом? – «Там полно акул!» – Печальное расставанье. – Тур трижды говорит «да». – И все-таки... – Приватный обед в Каире. – Храним тайну. – Опять Сафи. – Хвала Ивон. – Тур хватается за голову. – «А плавать ты умеешь?» – Нас провожают. – Сорвало парус! – Операция «Грот». – Как трудно его поднимать. – Шторм. – Зачем, зачем?..

Мы забрались на крышу хижины, Жорж – ближе к носу, я – к корме, и обозревали горизонт. Норман крутил шарманку рации. Карло роздал колбасу и сгущенное молоко – последний наш завтрак на «Ра».

Все вокруг было в диком хаосе, в хижине плескалась вода, плавали доски, медикаменты, пахло аскорбиновой кислотой, только два ящика еще чудом держались, тот, на котором спал Тур, и тот, на котором – Абдулла; газовые баллоны смыло, и в абсолютно чемоданном настроении мы ждали, когда подойдет яхта и подойдет ли.

Вдруг Норман закричал:

– Я их вижу! Куда вы смотрите, там, наверху?!

В моем кормовом секторе ничего не наблюдалось, я обернулся к Жоржу – тот клевал носом. А вдали виднелась белая точка.

Она приближалась понемногу и становилась роскошной красавицей яхтой, качало ее немилосердно, на борту стояли парни, ярко одетые, с фото- и киноаппаратами, они снимали нас, мы тут же оживились, проснулись, замахали, полезли на мачту, закричали, чтобы прежде всего прислали нам покурить. Подошла резиновая лодочка, и матрос бросил с нее блок сигарет, мы на него накиннулись, распотрошили и закурили блаженно.

Теперь хорошо бы вымыться пресной водой – едва очутившись на «Шенандоа», я шепнул об этом Туру, он кивнул: «Беги!» – и я ринулся внутрь, обнаружил ванну, чье-то мыло и бритву – а когда вернулся, пресс-конференция уже шла полным ходом, Тур отвечал на вопросы, на сотню, если не на тысячу, затем мы поели, выпили пива, ледяного, из холодильника, и чувствовали себя превосходно, а многострадальный наш кораблик мирно покачивался совсем рядом и тоже отдыхал...

Так завершилось наше первое путешествие, 16 июля 1969 года, десять месяцев назад, а сегодня будто их не было, этих месяцев. Снова снасти скрипят, рубашка просолена, сейчас выскочит Норман и крикнет: «Деррижи вправо!» – нет, ничто не кончилось, только экипаж немножко другой, да корабль не тот, хоть и называется так же.

Тогда, после встречи с «Шенандоа», сразу возникла проблема, куда девать «Ра». Бросать его нам не хотелось. Жорж заявил, что покидать папирусное судно вообще не собирается. Он, мол, договорился с Абдуллой, и они продрейфуют до Барбадоса, потихоньку, без вахт, будут заниматься ремонтом, а мы с яхты возьмем их под контроль и в случае чего окажем помощь.

Уговорились, что утром все обсудим как следует, и Жорж, полный энтузиазма, отправился на «Ра» засветить сигнальный фонарь. Фонаря он не зажег, поскольку керосин выгорел, а пока возился – стемнело, развелось волнение, и мы испугались, что декларации Жоржа осуществляются слишком буквально: яхтенный прожектор, как на грех, не действовал, и за ночь, в кромешной тьме, «Ра» и «Шенандоа» рисковали разойтись навсегда.

Тур Хейердал, Юрий Сенкевич и летчиккосмонавт Олег Атьков во время визита путешественника в Москву. 1984 г. Фото Олег Великжанин.

«Люди современного большого города ослеплены уличным освещением, они лишились звездного неба. Космонавты пытаются вновь обрести его»

(Тур Хейердал)

Делать нечего. Норман сел в резиновую лодчонку, ему подсвечивали кто чем – кинософитами, карманными фонариками. Кое-как, почти уже оцупью, он подшвартовался к «Ра» и вернул энтузиаста пресному душу и свежим простыням.

А наутро мы с Жоржем – я в качестве гребца-перевозчика, он с аквалангом – поплыли выяснять, что можно на «Ра» сделать и как продлить его век.

Мы почти догребали, когда я вдруг ощутил, что кто-то шевелится подо мной, внизу. Я сказал об этом Жоржу, он сунул голову в маску под воду и сообщил:

– Там полно акул!

Я тоже посмотрел и увидел – ходят рыбины, двух-трехметровые, если не больше.

Все же Жорж решил нырнуть, хотя я твердил, чтобы он не смел этого делать. Нырнул, вынырнул, уселся на борт «Ра» и принялся рассуждать о том, что, видимо, работать не удастся, но попробовать стоит: «А ты бери ружье и карауль».

Как бы я его укараулил, не знаю, он – под водой, акулы – тоже под водой, но я взял ружье и дежурил минут пять, это были не самые спокойные в моей жизни минуты, – потом надел маску и поинтересовался, где он там, – Жорж плавал, и акулы плавали, поне-много собираясь в кружок. Жорж не стал дожидаться, пока они сговорятся окончательно, и выбрался на воздух. Я сказал ему: «Хватит, не безобразничай, поехали обратно». Однако он попросил переправить на «Ра» Тура, пусть на месте принимает решение.

Я перевез сперва Тура, затем Нормана, затем еще и Сантьяго. Они долго и азартно жестикулировали, но ни к каким утешительным выводам не пришли.

Повторяю, бросать «Ра» нам до слез не хотелось.

Снова отложили приговор до утра – может быть, твари разбредутся. Уже глубокой ночью направили в океан кинолампы, он акулами кишимя кишел, черные тени сновали во всех направлениях. Матросы учинили рыбалку, весьма впечатляющую: за борт выбрасывался канат с огромным крючком, с пластиковой бутылкой-поплавком, канат крепился к поручням и вмиг начинал ходить ходуном, его тянули в десять-двенадцать рук – суп из акульих плавников вкусен, – но судьба папирусного суденышка была решена.

Мы ободрали «Ра» как липку, сняли и перевезли на яхту все, что можно: мачту, капитанский мостик, любую мелочь, годную для музея «Кон-Тики», а что не годилось, то полетело в воду. Потом Норман и Сантьяго соорудили из двух маленьких весел подобие мачты, привязали к нему кусок брезента вместо паруса, и несчастный, надломленный наш кораблик растаял наконец в зыбком мареве, а «Шенандоа» взяла курс на Барбадос, до которого оставалось всего 900 километров.

Но перед этим нас еще долго фотографировали, на палубе, на фоне покидаемого «Ра»; снимков требовалась масса, затворы щелкали наперебой, и это злило, злил рулевой, который вновь и вновь дарил репортерам выигрышный ракурс. Мы уходили, разворачивались и опять спешили, словно дразнились, туда, где крошечный брезентовый «парус» сиротливо силится сдвинуть нам вдогонку израненное, отяжелевшее тело, где корабль прощался и не просил оправданий, а пел, как и прежде, свою заунывную скрипучую песню, песню о пятидесяти трех днях борьбы и дружбы, радостей и разочарований, торжества и страха, а может быть, и о древних мореплавателях, которые были отважнее нас и шли до конца.

Что до «Шенандоа», то она приветливо распахнула для нас двери ванных комнат и пивные утробы холодильников, но мы не могли с ней дружить. Между нами стояла тень «Ра», и от этого яхта злилась, шлепала по волнам сталью корпуса, била нас углами столов и диванов. «Ра» был другой, он был нежен, певуч, податлив, согревал нас ночью и давал тень в полуденный зной, доверчиво нес нас к победе...

Неделей раньше, восьмого июля, в день, когда волны уже заливали нас напрочь, когда под мостиком плескалось море, когда принялись выбрасывать даже деревянные кусочки и обрезки, которыми так дорожил Тур, и съестные припасы тоже, – в тот день Тур говорил:

– Предвижу, о чем нас будут спрашивать, и готов ответить. Он будто репетировал беседу с вероятным оппонентом, и глаза его блестели:

– «Ра» – океанское судно?

– Да, оно прошло в открытом океане две тысячи семьсот миль.

– Могли ли древние идти таким маршрутом?

– Да, и успешнее: их папирусные суда были построены лучше нашего, а потом, в отличие от нас, они ходили всегда по ветру. Это дольше, но проще и сохраняет корабль.

– Удалось ли сотрудничество семи наций на борту «Ра»?

– Да, интернациональный экипаж вполне доказал свою жизнеспособность.

Три вопроса, и на все три ответ начинается с «да». Экспедиция задачу выполнила. «Шенандоа» не в счет, как бы ни были мы ей по-человечески благодарны.

Кстати, уже с Барбадоса самолеты несколько раз летали в район, где остался «Ра», пытались найти его, но безрезультатно. Там в те дни прошел ураган, так что, возможно, кораблик был просто развеян по стебельку, – нет, вовремя мы оставили «Ра»! Мы поступили правильно, благоразумно, не в чем нам себя упрекнуть, нас поздравляли и чествовали, и все-таки...

И все-таки сегодня, спустя год, мы опять в океане. И опять в контракте, подписанном каждым из нас, сказано: «...рисковую и сознаю, что иду на риск».

А получилось так. В Египте, куда мы прибыли по официальному приглашению (это была целая череда визитов – экипаж «Ра» посетил ОАР, гостил в Советском Союзе, ездил в Норвегию, в Италию), – в Каире, после очередного торжественного обеда, Тур вдруг заявил, что хотел бы отобедать еще раз.

Мы собрались в отеле, сугубо своей компанией, и Тур завел речь издалека.

Он сетовал, что фильм, снятый на «Ра», не совсем удачен, не хватает кадров с океаном и кораблем, – а как было снимать такие кадры, если на «Ра» отсутствовала надувная лодка? И еще кое-чего на нем не имелось, а то, что имелось, действовало не всегда безотказно, рулевые весла, к примеру, – только теперь вполне ясно, как их делать и из чего. Что ж, путешествие было как бы черновое, мы испытывали судно и самих себя, и, разумеется, испытания прошли прекрасно, но ведь это лишь испытания...

– А что если я буду строить второй «Ра»?

Выпалил и взглянул на нас в упор, на каждого, и мы поняли, что он уже все для себя решил, и сколько бы он, продолжая, ни подчеркивал, что разговор теоретический, что как там будет, еще неизвестно, – мы слушали и понимали: суть не в рулях и фильме. С момента, когда мы ступили на палубу «Шенандоа». – пусть до финиша оставались считанные мили, неважно, – с той минуты мы автоматически обрекли себя на новую попытку, потому что эксперимент должен быть чистым, потому что Тур не из тех, кто решает проблемы «в общем и целом».

Норман согласился, и Карло согласился, и Жорж, и Абдулла, и Сантьяго, и я, и сразу условились, что беседа наша до поры секретная, подняли рюмки и забыли о ней, жили как прежде, – но семена были брошены. Мы снова становились матросами «Ра».

«...Однажды зимой, в солнечный день, между двумя взрывами смеха Сантьяго мне сказал: “Что ты скажешь, если узнаешь, что есть «Ра-2»?” Я не сразу смогла ответить, а когда ответила, то примерно так: “Я скажу, что «Ра-2» возможен в **твоей** жизни, но не в моей”. Вечером я спросила: “Ты действительно опять уедешь?” – “Да”. – “А другие?” – “Да, все решились”. – “Тогда сделайте судно надежнее, я не могу каждый год помирать от страха”».

Это из записок жены Сантьяго, Андре. Кстати сказать, именно Сантьяго и пришлось «делать судно надежнее», он разыскал и нанял индейцев-строителей, перевез их с озера Титикака в Марокко, – но об этом позже.

Всю зиму мы готовились к плаванию, утрясали служебные и личные дела, уговаривали близких и начальство – и стремились сохранить тайну, об этом просил Тур. Он хотел обойтись без рекламы и преждевременных сенсаций.

В январе я выступал в Московском телевизионном театре, и неожиданно ведущий на весь зал объявил:

– Друзья, это путешествие для Юрия Сенкевича не последнее, уже строится другой «Ра»!

Я оторопел, едва дождался, пока окажемся за кулисами, бросился к нему: «Что ж ты делаешь?!» А он говорит: «Это напечатано в сегодняшнем номере “Московского комсомольца”».

Да, шила в мешке не утаишь. И все-таки мы таили его, как могли, пока не наступила весна. Секреты кончились в мае. Опять Сафи, марокканский порт, и опять кипит работа. Корабль почти готов – что значит «почти», лучше не объяснять, это значит разрывайся пополам, затыкай двадцать дыр и беги за сотней зайцев, а ведь кроме корабля есть и багаж, вода, продовольствие, которое надо собрать, упаковать, погрузить.

У нас был сарайчик на берегу, он по площади примерно соответствовал «Ра-2», и вот в нем мы трудились в поте лица, раскладывали груз в пакеты, пересыпали рисом, чтобы адсорбировалась влага, прикидывали, где и что разместится.

Провианта набиралось несусветное количество, и способствовала этому главным образом жена Тура, Ивон.

Она приносила в сарай самые невероятные морсы, сиропы, соки. Мы ужасались: «Зачем это?» – «Ничего, мальчики, берите! Вы же будете совсем одни, удовольствий, радостей никаких, а как приятно посидеть в холодке и пососать лимонную конфетку!»

Здесь настает пора сказать хотя бы несколько слов об Ивон, и я это делаю с радостью и глубокой признательностью.

Первым тостом, который мы провозгласили на Барбадосе после прошлогоднего плаванья, был тост за Леди «Ра». И это вовсе не было формальным актом вежливости: пусть простит меня Тур, я очень его люблю, но временами мне – и не только мне – казалось, что жену его мы любим больше.

Она сама обшивала матрацы, на которых мы спали. Помнила, что Сантьяго предпочитает жесткие зубные щетки, а я – мягкие, что Жорж обожает спать на высокой подушке, а Карло – вообще без подушки. Учитывала наши пристрастия и уважала слабости. Съестное, снаряжение, бухгалтерия – все это лежало на ней, она за всем следила и все успевала.

Наряду с прочим, она еще перестукивала на машинке книгу, которую Тур за зиму не успел закончить и сейчас срочно дописывал, прячась в развалюшке рядом со стапелем.

В день, когда «Ра-2» предстояло крестить и спускать на воду, – опять цитирую записи Андре – женщина женщину застала врасплох:

– Ивон, вы ли это? Вы плакали?

– Да.

– Почему?!

Выяснилось, что Ивон только что перепечатала главу, где говорилось о затопленной корме, о сломанных веслах, о ветре и волнах, против которых мы были беззащитны.

Нам было легче, мы только плыли, а волновалась за нас она. И вновь ей выпадал черед волноваться.

Радио сообщило, что церемония спуска – ровно в одиннадцать. Официальные лица прибывали в черных автомобилях, с шоферами в ливреях. Ритуальные брызги козьего молока, шорох и хруст соломы – и судно в голубом море.

Лодка, спроектированная по рисункам и макетам лодок Древнего Египта и названная «Ра», была построена специалистами с озера Чад (Республика Чад) из камыша, добытого на озере Тана в Эфиопии.

«Двадцать пятого мая 1969 года семь человек из семи стран ступили на борт папирусной лодки в порту Сафи, в Марокко. Русский врач, американский итурман, египетский аквалангист, мексиканский антрополог, плотник из Республики Чад в Центральной Африке, итальянский альпинист и я сам, норвежец, руководитель эксперимента»

(Тур Хейердал)

Тут же мы его чуть не лишились.

Ветер был свежий, кораблик легкий, с буксирного катера вовремя не кинули конец – и нашу новенькую ладью потащило, как осенний листок, потащило и бросило – прямо на бетонный пирс.

Тур схватился за голову.

«Ра-2» ударило о стенку со страшной силой, благо что носом, загнутый нос спружинил, и судно отскочило от пирса, как мячик. Его подхватили, зацепили и оттащили туда, где ему полагалось намокать.

Это было десятого мая, мы тогда еще не знали, что отплывем только через полторы недели, надеялись, что управимся раньше, – лихорадочно грузились, ставили мачту и мостик. Здесь была допущена ошибка, оснастку лучше не монтировать на плаву: во-первых, как ни осторожничай, все равно рвешь папирус, треплешь его, топчешь, а поправить уже невозможно; во-вторых, корабль впитывает воду сверх нормы, ресурс непотопляемости расходуется ни на что – следовательно, только поспевай, пошевеливайся, набирай темпы.

Последнее утро вижу как сквозь сон: шесть часов, холодно, круглый гостиничный стол. Подробности стерлись из памяти, мне потом их пересказывали, будто постороннему. Оказывается, я был страшно весел и разговорчив, приставал к новичку Мадани, чтобы тот быстрее справлялся с яичницей: «Ешь, еще неизвестно, когда мы снова будем есть». Мадани ответил: «Я боюсь, у меня случалась морская болезнь». Я расхохотался и не мог остановиться,

крикнул второму нашему новичку, Кею: «А ты? У тебя нет морской болезни? А плавать ты умеешь?» – «Извини, не умею». – «Тур, Тур, ты слышишь?!» Тур отозвался спокойно:

– Будем следить, чтоб не свалился за борт. А что касается Мадани – пусть и у врача на «Ра» окажется занятие.

Холл отеля наполнился людьми, были друзья, журналисты, фотографы, любопытные. На пирс вышел паша Сафи, Тайеб Амара, и сказал прощальную речь. Тур тоже произнес речь. Прибыли послы, наш, американский, норвежский, множество дипломатов, народу собралось толпы, пароходы в порту гудели, Ивон («Уж возьмите, мальчики!») подвесила к потолку хижину ветчину и колбасу, – а мы все что-то доделывали, догружали, распихивали и в суматохе даже не прочувствовали торжественного мига, не заметили, как буксирчик потащил нас к выходу из гавани, – и вдруг, осознав, расслабились, вздохнули облегченно: слава богу, кончилось! Именно не началось, а кончилось, теперь держи курс, считай мили – нормальная мужская работа.

Погода была великолепная, ветер северо-восточный, то, что нам надо. Сафи едва виднелся в дымке. Пора было поднимать парус. Уточнили, как будем это делать, и стали по местам.

Мы с Сантьяго стояли на шкотах, он – справа, я – слева. Я помнил, что это не такое уж сложное дело, и не слишком напрягался, обмотал шкот вокруг бруса и глазел по сторонам. Но я упустил из виду, что веревка свежая, сухая и скользит, и, когда парус пошел вверх, внезапно хлопнуло, рвануло, обожгло ладони, и шкот змеей взлетел в воздух, а левый нижний угол паруса завернулся и бешено заполоскал. Сантьяго растерялся и выпустил свою сторону тоже.

Надо сразу сказать о парусе.

В прошлом году нам с ним сразу крепко не повезло. В первый же день сломался рей, и это повергло нас, неопытных, в ужас, – казалось, нет никакой возможности что-либо исправить. Но и отдаться полностью на волю течения тоже было нельзя, прежде всего потому, что тогда путешествие растянулось бы минимум на все лето. И мы решили попробовать соорудить хотя бы маленький парус, чтобы хоть немножко тянул.

Это был небольшой треугольничек, нижними углами его предстояло крепить к палубе, верхним – к топу мачты. Разумеется, для этого нужно было на нее лезть, я просился, но Норман запретил, сказав, что мачта качается, удержаться на ней трудно, а я недостаточно еще тренирован, и на мачту вскарабкался Жорж, я же в порядке тренировки добрался до середины и подавал Жоржу парусину.

Скорость сразу увеличилась, курс стал постабильней, особенно после того как с четвертой попытки, под руководством того же Нормана, мы привели корабль к ветру.

Однако вскоре Тур заметил вдалеке слева горы, очень большие и едва различимые, это был берег Африки, нам совсем не хотелось с ним встречаться, и, расхрабрившись, мы поставили второй треугольный парус, уже не спереди мачты, а сзади нее.

Тут дело пошло гораздо быстрее, мы понемногу становились записными матросами.

С двумя парусами «Ра» имел вовсе неплохой ход, но штурмана и эта скорость не устраивала, аппетит приходит во время еды.

– Сто миль за два с половиной дня! – ворчал Норман. – Разве это паруса? Парусята!

И вот, обмирая от собственного нахальства, экипаж «Ра» приступил к операции «Грот».

Тур долго совещался с Абдуллой, чем заменить сломанный рей. Разворошили весь запас дерева, нашли подходящую палку, привязали к ней дополнительный усиливающий брус.

На следующий день укрепили шпор мачты слева, еще через день – справа.

Никто не хотел торопиться, все понимали, что любую случайность следует исключить заранее.

С рассвета до темноты возились, прикрепляя парус к рею, и оснащали рей.

Еще раз проверили узлы и крепления брасов – канатов, идущих от ноков рея к обоим бортам.

Начали подъем. Мы с Норманом тянули с бортов, Карло и Жорж – посередине, Тур наблюдал за компасом и удерживал «Ра» на курсе, Абдулла и Сантьяго следили за брасами.

Не боги горшки обжигают – наш большой парус наполнился ветром, крен резко уменьшился, корабль побежал весело и Норман заулыбался:

– Для моряка самое неприятное – штиль и дрейф.

После плавания «Ра-1», слушая мои рассказы, дотошные собеседники иногда спрашивали, почему мы редко работали с парусом, почему на ходу не брали рифы.

Дело в том, что его просто очень трудно, физически тяжело ворочать, поднимать и опускать.

Он огромный, восемь метров в высоту и около того в поперечнике, из натурального хлопка, причем прочности необычайной, в прошлом году за два месяца – ни одного разрыва, и это при колоссальной нагрузке, особенно когда нас разворачивало, – он метался так, что казалось – разлетится в клочья!

А весил он верных полсотни килограммов, сухой, а мокрый – воображаете, сколько? Ставили мы его не меньше сорока минут, а, убирали иногда и полтора часа – смотря какая погода и какое время суток. Ночью, да еще в бурю, парус кружил над нами, как чудовище, мы боролись с ним отчаянно, по трое и четверо повисая на канатах. Однажды Сантьяго, пытаясь взять парус не мытьем, так катаньем, уцепился за нижнюю шкаторину, она предательски провисла, но ударил порыв ветра и Сантьяго взмыл, как Икар. К счастью, его опустило туда же, откуда подняло. А если бы за борт?!

У Сантьяго с парусом вообще были натянутые отношения. Как-то грот заполоскал, а Сантьяго в это время шел на нос. Парус сбил его с ног, Сантьяго вскочил и вновь был сбит, и тут он принял стойку и начал боксировать с парусом. И вышел победителем, поскольку «Ра-1» в ту же минуту лег на курс.

Итак, первый подъем паруса на «Ра-2» был неудачен, но бодрого настроения мы не теряли, убрали парус, закрепили шкоты намертво и снова подняли, он надулся и расцвел над нами, гигантский, с оранжевым диском в центре, похожий на диковинный праздничный флаг.

Как это всегда бывает, праздник длился недолго.

Сразу по выходе из бухты нас качнуло, для пробы, баллов под пять, это было как бы дружеское приветствие нашим новичкам, и они отреагировали моментально: Кей укрылся в хижине, а Мадани прилег на корме с полиэтиленовым мешочком. А затем уже океан принял и за ветеранов, всерьез, явно желая побыстрее вернуть им форму.

Мы попали в штормовую зону. Нас бешено несло и бешено швыряло. Вновь навалилась усталость, не та, бестолковая, сухопутная, – о ней в пору было вспомнить со смехом, – там по крайней мере руки слушались, а здесь давишь на рукоять рулевого весла и не чувствуешь собственных пальцев, ни согнуть их, ни разогнуть.

Сантьяго попробовал сменить меня у кормила, постоял чуть-чуть, я сказал: «Брось, ладно», – он и без того валился с ног. Минут еще час вахты, четвертый, и мое место занял Жорж, а я спустился с мостика. Тур сидел у входа в хижину, усталый и осунувшийся.

– Спасибо, Юрий.

– Не за что.

– Я доволен, что ты вновь со мной. Сегодня я лишь наполовину человек, думать могу, а работать не получается.

– Ты бы поспал.

– Сейчас никак, сам понимаешь – первый день.

– Ладно, тогда распределим ночную вахту на четверых. Карло, Норман, Жорж и я, а остальные пусть отдыхают.

– О'кей, потом отдохнете вы.

Я вздремнул и был разбужен Карло в два ночи. Ярко светила луна, океан бурлил и пенился, ветер срывал гребешки волн и плескал ими в лицо.

Мы шли неподалеку от берега, временами виднелись огни маяков, держать следовало примерно 225–230°, между западом и юго-западом, как раз на луну – огромная, рыжая, она горела точно по курсу, и я старался подпереть ее носом лодки, однако скоро тучи сомкнулись, и нас окутал полнейший мрак.

Когда не видишь волн, вначале встречать их боязно, но быстро привыкаешь, чувствуешь их приближение всем телом, и ноги сами начинают подгибаться и выпрямляться, следуя движениям палубы.

Я совершенно замерз, еле-еле отстоял свое, разбудил Нормана и завалился спать, даже не потрудившись раздеться и снять тапочки.

Зачем, зачем мы опять ввязались в это дело? Ну, Тур – понятно, у него гипотеза, а мы-то, остальные, зачем?..

Написал это и подумал: нет, не так. На борту «Ра» нет деления на вдохновителей и исполнителей. Взять хоть меня самого: что мне, казалось бы, до древних мореходов? А вот вспомню о них – и радуюсь, и горжусь, что повторяю их маршрут...

Рассуждение первое, о диффузионизме и изоляционизме и проблемах древних трансокеанских связей

Плывем из Северной Африки в Южную Америку, без мотора, без гирокомпаса, без локатора, на небольшом судне, сделанном из эфиопского папируса. Плавание не совсем обычное и, естественно, вызывает к себе интерес.

Вопросы, вопросы... Вероятно, из одного их перечня можно было бы составить отдельную книгу: умные, коварные, заботливые, снисходительные, жалостливые, высокомерные, восторженные, – их задавали корреспонденты, родственники, знакомые, друзья, – в первые дни путешествия мы забавлялись тем, что вспоминали свои интервью перед стартом, и хохотали, выяснив, что каждого из нас хоть по разу да спросили:

– А вы когда-нибудь участвовали в подобной экспедиции?

Жорж так отвечал на это:

– Да, конечно, – примерно пять тысяч лет назад.

В этом шутивном ответе гораздо больше смысла, чем кажется.

«...перед моими глазами стояла сверкающая золотом ладья, ладья Аладдина и Синдбадаморехода, ладья из волшебной сказки о море и солнце – наш чудесный корабль, наш “Ра”, на котором предстояло нам плыть»
(Юрий Сенкевич)

Я не антрополог, не археолог, не этнограф, и проблемы, которых собираюсь касаться, лежат вне области моих профессиональных знаний. Поэтому пусть всюду, где только можно, мне приходит на помощь Тур Хейердал.

Вот что он пишет в одной из своих последних статей:

«Споры, касающиеся контактов между Старым Светом и Новым, имевших место до походов Колумба, не прекращаются до сих пор. Со временем в науке сложились два противоположных направления: изоляционизм и диффузионизм.

Изоляционисты считают, что два основных океана, омывающие Северную и Южную Америку, абсолютно изолировали Новый Свет от контактов со Старым до 1492 года. Эта школа допускает, что первобытные охотники проникали из азиатской тундры на Аляску в зоне арктического севера – и только.

Диффузионисты, напротив, считают, что существовала единая общая колыбель всех цивилизаций. Они допускают различные варианты плаваний в древнюю Америку из Азии, Европы или Африки в доколумбову эпоху».

Такова суть полемики, возникшей еще в прошлом веке и разгоравшейся все жарче по мере того, как между древними культурами по ту и эту сторону океанов обнаруживались новые и новые черты сходства.

Сходство оказывалось несомненным и необычайным.

«...Пирамидальные постройки, поклонение Солнцу, браки между братьями и сестрами в царских семьях, накладные бороды у первосвященников, трепанация черепа, письменность, система календаря, употребление нуля, ирригация и террасное земледелие, возделывание хлопчатника, прядение и ткачество, гончарное дело, кладка из подгоняемых друг к другу огромных блоков, праща, птицеголовые божества, музыкальные духовые

инструменты, камышовые лодки, рыболовные крючки, гробницы, настенная роспись и барельефы»...

Прерываю перечисление, чтобы не утомить вас. В статье Хейердала оно занимает еще чуть не десяток строк. Здесь мумии и там мумии, здесь бумага и там бумага, здесь игрушки на колесах и там игрушки на колесах, – а посередине пучина. Пучина, которую в этих широтах никто не пересекал до Колумба.

Или, может, пересекал?

Изоляционисты – устами самых ярких своих представителей – отвечают безапелляционно и однозначно: «Нет, нет, никогда. Параллели и совпадения случайны. Цивилизации развивались независимо».

Столь же безапелляционны яркие диффузионисты: «Да, да, сколько угодно и кто угодно! Океаны – не помеха! У всех цивилизаций – общая колыбель!»

Стороны неистовствуют, упрекают друг друга в беспочвенности позиций, в отсутствии прямых доказательств, – однако полярность их взглядов лишь кажущаяся. Отправная точка у спорщиков едина, и это подмечено Туром Хейердалом весьма точно:

«И те, и другие рассматривают океаны как мертвые, неподвижные бассейны. Только экстремисты-изоляционисты считают, что эти мертвые водные пространства являются барьерами для перемещения людей в любом направлении, а экстремисты-диффузионисты рассматривают океаны как открытые глади, по которым мореходы-aborигены могли путешествовать в любом удобном им направлении».

Сам Хейердал относится к океанам иначе. Всей своей творческой жизнью, всеми гипотезами и теориями своими он, возможно, обязан тому, что однажды, в молодости, взглянул на Океан иными глазами, чем остальные:

«В тот памятный вечер мы, как обычно, сидели в лунном свете на берегу... Завороженные сказочным зрелищем, мы чутко воспринимали все, что происходило вокруг. Наши ноздри вдыхали аромат тропических цветов и соленого моря, слух улавливал шорох ветра, перебиравшего листья деревьев и пальмовые кроны. Через правильные промежутки времени все звуки тонули в гуле прибоя, – мощные океанские валы несли свои пенящиеся гребни вверх по отмели, чтобы разбить их вдребезги о прибрежную гальку. Воздух наполнялся стуком, звоном и шуршанием миллионов блестящих камешков, затем волна отступала, и все стихало, пока океан набирал силы для нового натиска на упорный берег.

– Странно, – заметила Лив, – на той стороне острова никогда не бывает такого прибоя.

– Верно, – ответил я. – Здесь – наветренная сторона, поэтому волнение никогда не прекращается».

Дело происходило в 1938 году, в Полинезии.

В том давнем январе к берегам острова Таити причалил корабль. На его борту среди других пассажиров был двадцатичетырехлетний студент-зоолог Тур Хейердал с женой. Пассажиры громко пели старинный таитянский гимн: «Э мауруру а вау!» – «Я счастлив».

На Таити Хейердалы сделали пересадку, и парусная шхуна «Тереора» перевезла их на Фату-Хиву, уединенный скалистый островок Маркизского архипелага. Здесь им предстояло испытать счастье во всей его полноте.

Тур хотел сделать прыжок на тысячи лет назад. Последовать на практике призыву «Вернись в дебри», довольно модному в те годы у какой-то части европейской интеллигенции, и посмотреть, что из этого получится. Редко посещаемый, начисто лишенный цивилизации, остров Фату-Хива весьма подходил для такого эксперимента.

Обратим внимание: Хейердал уже тогда был верен себе – отвлеченные рассуждения «на тему о...» его не устраивали. Облюбовав тезис, он тут же стремился взвесить его на руке, опробовать на вкус, запах и цвет.

Хейердалы прожили на острове год. Тех, кто хочет знать подробности, отсылаю к книге «В поисках рая», увлекательной, пронизанной юмором и чуть-чуть печальной. Рай не был найден, и полного счастья не вышло. Бананы не заменили бифштексов, а экзотические «младшие братья» оказались полунищими и полуголодными людьми, которым, увы, не в новинку и религиозные распри, и ложь, и воровство.

И все же Тур нашел на Фату-Хиве гораздо большее, чем то, что искал:

«...Мы продолжали любоваться валами, которые, казалось, упорно твердили, что идут с самого востока, все время с востока. Извечный восточный ветер, пассат, – вот кто теребил поверхность воды, вспахивал ее и гнал борозды впереди себя, через линию горизонта вон там на востоке и прямо на эти острова, где неугомонный бег волны, наконец, разбивался о рифы и скалы. А ветер легко взмывал ввысь через лес и горы и продолжал беспрепятственно свой полет от острова к острову, вдогонку заходящему солнцу. И так с незапамятных времен... Волны и легкие тучки с неуклонным постоянством переваливали через далекую линию горизонта на востоке. Это было отлично известно первым людям, достигшим этих островов. Об этом знали здешние птицы и насекомые; наконец, этот факт определял здесь все развитие растительного мира. А там, далеко-далеко за горизонтом, к востоку, лежал берег Южной Америки. Восемь тысяч километров отсюда, и все время вода, вода...»

Мы смотрели на летящие облака и волнующийся в лунном свете океан и прислушивались к рассказу старого полуголого человека, который присел на корточки перед затухающим костром, глядя на тлеющие угольки.

– Тики, – произнес старик задумчиво. – Он был и бог, и вождь. Это он привел моих предков на острова, где мы живем теперь. Раньше мы жили в большой стране далеко за морем.

Он сгреб угли прутиком, чтобы не дать им окончательно погаснуть. Старый человек, весь погруженный в свои мысли, он жил теперь в прошлом, только в прошлом. Его предки и их подвиги с самых древних времен, когда на земле жили боги, были озарены в его глазах божественным ореолом. Теперь он готовился к встрече с ними. Старый Теи Тетуа был последним оставшимся в живых представителем вымерших племен, которые когда-то населяли восточное побережье Фату-Хивы. Он и сам не знал, сколько ему лет, но его морщинистая коричневая кожа выглядела так, словно ветер и солнце сушили ее вот уже сто лет. Он был одним из тех немногих среди жителей архипелага, кто еще помнил предания отцов и дедов о великом полинезийском вожде и боге Тики, сыне солнца, – помнил и верил им.

Когда мы в ту ночь легли спать в нашей маленькой клетушке, мои мысли все еще были заняты рассказом старого Теи Тетуа о Тики и о далекой заморской родине островитян. Приглушенный гул прибоя сопровождал моим размышлениям, как будто голос самой седой старины хотел поведать что-то ночному мраку. Я не мог уснуть. Казалось, время перестало существовать и Тики во главе своей морской дружины именно в эту минуту впервые высаживается на сотрясаемый прибоем берег. И вдруг меня словно осенило:

– Лив, тебе не кажется, что огромные каменные изваяния Тики, стоящие здесь в джунглях, очень напоминают таких же гигантов, которые остались стоять до наших дней в местах распространения древних культур Южной Америки?

Мне отчетливо слышались одобрителльные нотки в гуле прибоя. Затем он постепенно затих, – я уснул».

Вернувшись в Норвегию, Тур Хейердал сдал в университетский зоологический музей коллекцию жуков и рыб с Фату-Хивы и заявил, что зоология его больше не привлекает и что отныне он решил посвятить себя исследованию жизни древних народов.

Пройдет два с половиной десятка лет, и на заседании Королевского географического общества он поднимет бокал за «сочетание одобрения и противодействия» и назовет это сочетание «главным двигателем научного прогресса»:

«Противодействие, возражения, а иногда и поражение необходимы, чтобы идти к научной истине, расширять пределы человеческого познания. Конечно, не так-то легко воздать должное этому, особенно когда в лицо дует свирепый штормовой ветер. Но когда ветер попутный, как сегодня, мы вполне можем это признать...»

Таким образом, он великодушно позволит недоброжелателям быть причастными к его славе. Но сперва не будет ни славы, ни почестей, ни побед, – одни шквалы, безжалостные, многолетние шквалы в лицо.

Догадка Хейердала о том, что Полинезия заселялась, возможно, не только с запада, со стороны Азии, но и с востока, с американских берегов, вызвала у специалистов сильнейшее неодобрение. Ученые мужи смеялись и издевались над недоучившимся студентом, над мальчишкой без степеней и званий, пожелавшим критически оценить общепринятые взгляды.

Его обзывали авантюристом, выскочкой, фальсификатором. Что он там болтает о легендарном вожде Кон-Тики, о бальсовых плотках, о маршруте Перу – Таити? Еще со времен капитана Кука признано, что предки полинезийцев явились из Малайской области, это не подлежит сомнению, об этом говорят многочисленные факты: в языке островитян-полинезийцев и малайских племен есть общие слова и корни, там и здесь разводят кур, свиней, выращивают хлебное дерево, сахарный тростник, – все это бесспорные элементы азиатской культуры, неизвестные в древней Америке. А если полинезийцы резко отличаются от малайцев ростом, телосложением, формой черепа и т. д., так это особый вопрос, им надо заниматься отдельно, во всяком случае, не призывая на выручку мифические флотилии Кон-Тики.

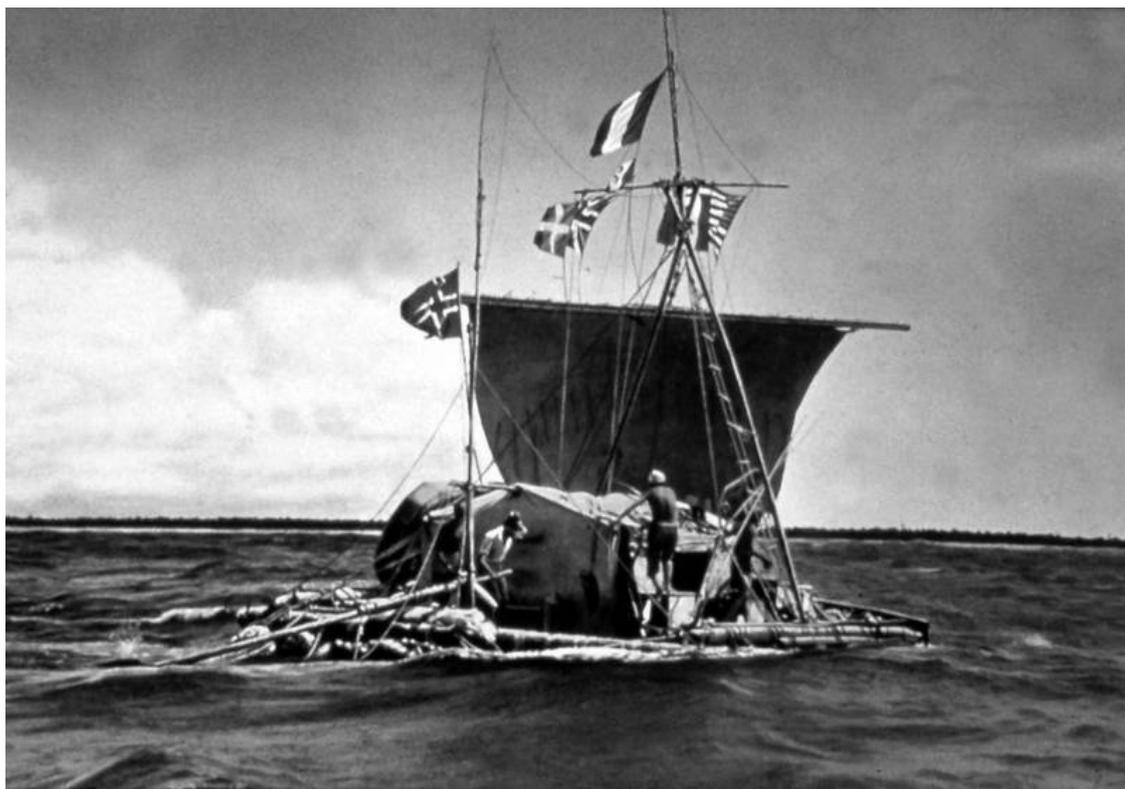
Почти никто из оппонентов не замечал, что Тур Хейердал ведь и не оспаривает вероятности миграции из Азии. Напротив, он даже определил возможный путь этой миграции – через северную часть Тихого океана; он лишь предположил, что заселение Полинезии проходило в два этапа, что раньше малайцев на острова явились перуанцы, а потом те и другие смешались, – и исходил при этом именно из Океана, реального, конкретного, живого Океана с ветрами и течениями, словно нарочно созданными для того, чтобы любую щепку, брошенную в воду у подножия Анд, донесло через сотню дней прямехонько до архипелага Туамоту.

Ему снисходительно объясняли: южноамериканские суда непригодны для мореходства. Его рукопись «Полинезия и Америка; проблема взаимосвязи» никто не соглашался даже перелистать.

Обескураженный и удрученный, но не разуверившийся, он отправился к основному своему оппоненту и спросил:

– Что бы вы сделали на моем месте?

– Сам бы сплавал на плоту, – ответил маститый профессор, видимо, радуясь про себя столь удачной шутке. Но Хейердалу в тот момент было не до шуток, он тут же ухватился за эту безумную, казалось, идею, собрал друзей, построил плот и пошел.

Кон-Тики. 1947 г.

«Никакой шторм, никакой циклон не опасен так, как личные недоразумения, когда шесть человек на несколько месяцев заточены вместе на тесном пространстве плота»
(Тур Хейердал)

Американское военно-морское ведомство снабдило его запасом армейских рационов, калорийность которых требовалось экспериментально уточнить, и снаряжением, которое требовалось экспериментально же проверить. Среди подлежащих испытанию изделий имелся порошок, якобы отпугивающий акул. Тур поинтересовался, эффективен порошок или нет. Ему объяснили, что как раз это тоже предстоит ему выяснить.

В середине 1947 года плот, построенный из бальсовых бревен и нареченный «Кон-Тики», с пятью норвежцами и одним шведом на борту проплыл за сто один день от Перу до Туамоту. Подтвердилась серьезность научных воззрений Хейердала; об отважном ученом и путешественнике узнал и заговорил мир.

Пришли слава, средства, независимость. Фильм об экспедиции получил премию «Оскар». Книга о «Кон-Тики» была переведена на восемьдесят языков.

Помню, как впервые держал эту книгу в руках: на обложке – огромная волна в виде перевернутой запятой и маленький кораблик.

Думал ли я в те дни, что наши с Хейердалом дороги пересекутся?

Нет, конечно, ни тогда, ни много позже, – я знал только, что есть на свете такой замечательный, неутомимый исследователь и писатель Тур Хейердал, что он выдвигает смелые гипотезы и отстаивает их не рассуждениями, а делом: вот, отвечая на возражения скептиков – перуанские лодки могли-де плавать лишь вдоль побережья, иначе Галапагосский архипелаг был бы открыт и освоен инками задолго до испанцев, – он организует экспедицию на Галапагосы, ведет археологические раскопки и неопровержимо доказывает: да, древние индейцы бывали на архипелаге неоднократно! Вот у берегов Эквадора строит и спускает на воду плот, оснащенный системой выдвижных килей-гуар, и его испытаниями подтверждает: да, плоты древних перуанцев были маневренны, они могли идти к ветру под более острым углом, чем

старинные европейские парусники, и достигать любой точки в океане! Вот отправляется на остров Пасхи, лежащий как раз посередине между Южной Америкой и Полинезией, и устанавливает, что первые поселенцы достигли этого острова по меньшей мере на тысячу лет раньше, чем считала наука, и что являлись они опять же выходцами из Перу!

Все это существовало как нечто чрезвычайно интересное и чрезвычайно далекое – и «Кон-Тики», и «Аку-Аку» были для меня просто увлекательным чтением и не более того.

А между тем в Аргентине состоялся очередной международный симпозиум, специально посвященный проблемам доколумбовых трансокеанских связей. Диффузионисты и изоляционисты вновь скрестили мечи:

– А лодки, коллега?! Папирусные лодки африканцев и камышовые с озера Титикака?! Они похожи как две капли воды – чем вы это объясните, если не проникновением африканской культуры в Америку?!

– Совершенно справедливо, коллега! Лодки почти одинаковые, а к высокогорному озеру Титикака нет никаких морских путей, в центре Американского континента из Нила не приплывешь, – значит, это довод не в вашу пользу, а в нашу, африканская и американская цивилизации развивались параллельно!

– Хорошо, оставим лодки, – а пирамиды?

– А религия?

– А календарь?..

Они опять ни о чем окончательно не договорились. Хейердал, которого пригласили руководить симпозиумом, закрыл его с чувством неудовлетворенности и огорчения.

Он не примыкал ни к той, ни к другой школе. Все более он укреплялся в мысли о том, что историю человечества не втиснешь в формальные рамки, что нельзя абсолютизировать ни миграций, ни параллельного развития культур, – нужно подходить к проблеме конкретно и экспериментировать, а не перебрасываться доказательствами, которые можно толковать и так и сяк.

Кроме того, он заметил некоторые неточности в умозаключениях досточтимых коллег – ошибки, если учесть накал полемики, вполне извинительные. Лодки, подобные титикакским и египетским, строились и в других местах. На них плавали – судя по историческим документам – и вдоль тихоокеанского побережья Америки, между Калифорнией и Чили, и по некоторым озерам Мексики, и – в Старом Свете – по водоемам Эфиопии, Месопотамии, по Чаду и Нигеру, а также у берегов Марокко. А Марокко и Мексика связаны постоянным океанским течением!

Снова, как когда-то, в тот далекий волшебный вечер на восточном берегу Фату-Хивы, роль инициатора и катализатора размышлений брал на себя Океан:

«Давайте беспристрастно взглянем на этот непреодолимый барьер, который возвели изоляционисты вокруг Америки доколумбовых времен...»

Когда речь идет о дальних трансокеанских плаваниях, надо всегда помнить два важных обстоятельства. Первое: расстояние между двумя противоположными точками земного шара ничуть не короче пути по дуге большой окружности в северном или южном полушарии. Мы зрительно привыкли к изображению экватора на карте как прямой линии и забываем порой, что в действительности это окружность. Второе: путевое расстояние, которое предстоит пройти судну по поверхности океана из одной географической точки в другую, «не равно» измеренному по карте, и даже путь «туда» не равен пути «обратно». Все зависит от того, как соотносится скорость судна со скоростью течения. Возьмем, например, расстояние от Перу до островов Туамоту. Оно составляет приблизительно 4000 миль, однако плот «Кон-Тики», выйдя из Перу, достиг Туамоту, пройдя по поверхности океана всего около 1000 миль, поскольку в то же время поверхность эта сама по себе смещалась с востока на запад благодаря течению. Зато если бы мы могли отправиться назад, следуя точно по преж-

нему маршруту с прежней скоростью, нам пришлось бы покрыть уже около 7000 миль. Этот казус хорошо иллюстрируется сравнением с эскалатором: попробуйте подняться, а затем спуститься по тому же эскалатору, движущемуся наверх».

Далее Хейердал рассматривает естественные океанские маршруты к Новому Свету (их три) и от Нового Света (их тоже три). Маршрут Лейва Эйрикссона из Норвегии к Гренландии и Ньюфаундленду и маршрут Колумба, который длиннее, но предлагает мягкие климатические условия, чрезвычайно благоприятные течения и попутные ветры, и маршрут Урданетты, единственный маршрут из Азии в Америку, с «петлей» (которая на самом деле не длиннее прямой!) к северу от Гавайев – им, видимо, и плыли в Полинезию азиатские переселенцы – и встречный маршрут, названный именем Менданьи, – его можно также назвать маршрутом Инков, по нему проплыл «Кон-Тики», а впоследствии – еще семь (!) экспедиционных плотов...

Обо всем этом обстоятельно рассказывается в статьях Тура Хейердала «Возможные океанские пути в Америку и из Америки до Колумба», «Заселение Полинезии», «Трансокеанские плавания: изоляционизм, диффузионизм или нечто среднее?», «Изоляционист или диффузионист», – которые я постоянно на этих страницах пересказываю или цитирую. Однако цитаты не заменят первоисточника в целом, и если нам захочется разобраться в затронутых проблемах основательней, возьмите книгу Хейердала «Приключения одной теории» и прочтите ее. Здесь же нам важен окончательный вывод, к которому приходит Хейердал:

«...Океаны – не барьер для мореплавателей, напротив, они как бы пересечены гигантскими ленточными транспортерами, способными доставить из одного района в другой все, что может держаться на плаву».

Это очень важный вывод. Благодаря ему становится очевидной несостоятельность позиции изоляционистов, утверждающих, что все черты сходства древних культур Старого и Нового Света свидетельствуют в пользу независимого их развития, ибо как, мол, их иначе объяснишь? Слишком-де велико расстояние между древней зоной Анд и древним Средиземноморьем, и потому любые доколумбовы связи исключены.

«А почему, собственно, исключены? – спрашивает Хейердал. – Что, разве океан до Колумба был иным? Не было еще Канарского течения и восточных пассатов? Или перед народами Средиземноморья стояли какие-нибудь психологические преграды, от которых испанцы и португальцы были свободны?»

И абзацем ниже:

«Мы, истинные европейцы, конечно же, не настолько ослеплены собственной историей, чтобы считать себя породой суперменов... Египтяне и их соседи в Месопотамии и Финикии лучше знали астрономию – основу навигации, – чем любой европеец, современник Колумба, Кортеса и Писарро. Финикийцы вместе с египтянами плавали вокруг Африки еще при фараоне Нехо, за двадцать столетий до того, как Колумб отправился в океан, который, по убеждению европейцев, кишел драконами и обрывался пропастью у горизонта. Мы восхищаемся способностями и мастерством древних, воплощенными в их гигантских пирамидах, совершенном календаре, богатой литературе и глубокой философии... – правильно ли одновременно отказывать им в возможностях сделать то, что сделал Писарро с горсткой своих людей в эпоху, отмеченную суевериями и невежеством?»

Речь идет, разумеется, о плаваниях Писарро и его соотечественников через океан, а никак не о том, что случилось дальше. Как известно, солдаты Писарро и Кортеса, продвигаясь по Америке, вступали в большие города с колоннадами, пирамидами и акведуками, дивились искусству ювелиров, кузнецов, ткачей. Затем, во имя злата и Иисуса, они прошли по всему этому огнем и мечом. И постарались отменно – так, что позднее ученым пришлось буквально заново открывать, по крохам реконструировать древние цивилизации

коренных обитателей Средней Америки, цивилизации, увы, погибшие не в результате стихийного катаклизма, не смытые наводнением и не погребенные землетрясением, а сознательно и варварски стертые с лица планеты.

Не все, однако, исчезло бесследно. А кое-что и не исчезло вовсе, до сих пор существует, шумит листвою, цветет, плодоносит, не ведая, что стало живым памятником давно ушедших эпох.

Недаром в статьях Хейердала столько внимания уделяется фактам, почерпнутым из этноботаники.

Вот один из самых наглядных примеров. Среди растений, культивируемых человеком, в Америке широко распространен плантин, или банан. «Диких родственников» у него в Новом Свете нет, и потому, следуя взглядам изоляционистов, нужно было бы предположить, что банан появился на Американском континенте только с приходом туда европейцев. Действительно, старинные хроники повествуют о епископе Панамском Томасе де Берланга, который в 1516 году посадил несколько корней банановых деревьев на острове Испаньола, откуда якобы банан распространился и на материк.

Если это так, то получается, что распространялся он со скоростью, невероятной даже для неприхотливой сорной травы, потому что уже через четверть века бананы росли как культурное растение вдоль всей Амазонки.

Можно ли представить себе, что, воздав хвалу епископу Панамскому, аборигенные земледельцы моментально вырыли часть посаженных им корней, перевезли их морем с Испаньола к устью Амазонки, затем прошли на веслах самую длинную в мире реку, пробились сквозь джунгли с тяжелым грузом – и все лишь для того, чтобы вновь закопать незнакомые клубни, не зная даже толком, что из них вырастет?

«Нет, – говорит Хейердал, – все же естественней верить инкским документальным свидетельствам, утверждающим, что банан – исконная, древняя культура Перу. И помнить, что еще в 1879 году археологи сообщали о находке банановых листьев и плодов в гробнице доколумбова кладбища в Анконе».

Подчеркиваем: диких родичей у американского плантина нет, он не был, следовательно, «приручен» в Новом Свете и, значит, появился там уже в «одомашненном» облике, – а случиться так могло лишь, если существовали древние трансокеанские контакты.

Другой ботанический пример. Тыква.

Тыква широко культивировалась в древней Африке. Ее использовали не столько в пищу, сколько для изготовления бутылей, в которых хранили воду во время морских плаваний. Точно тем же целям служила тыква и в Мексике, и в Перу.

Считалось, что бутылочную тыкву – и ее семена – завезли в Новый Свет испанцы. Однако археологи обнаружили тыкву в доколумбовых культурных областях.

Тогда была выдвинута новая гипотеза:

«...Тыквы с семенами могли приплыть через Атлантический океан из Африки, быть вынесенными на берег тропической Америки и там прорасти. Индейцы должны были заметить, что кожура, высушенная над огнем, представляет собой отличный сосуд, и таким образом открытие африканцев было сделано индейцами вторично».

Тур Хейердал на палубе судна. 1969 г. Фото Юрий Сенкевич.

«Слабый становится сильным, робкий – отважным, обидчивый – великодушным, если ими движет единая достойная цель»

(Юрий Сенкевич)

Тур Хейердал комментирует этот довод так:

«...Всякий, кто дрейфовал через океан, хорошо знает, что небольшие съедобные предметы, такие, как тыква, выброшенные за борт, сразу же станут добычей акул и “сверлящих” организмов. За четыре месяца, которые понадобились бы африканской тыкве, чтобы пересечь Атлантику, она тысячу раз могла быть проглочена океанскими мусорщиками – акулами или изъедена вездесущим корабельным червем... Парадоксально утверждение, будто из двух элементов африканской культуры – сухопутной тыквы и морской лодки – именно тыква, а не лодка может успешно доплыть до Америки!..»

Происхождение американских бобов и американского хлопка тоже перестает быть загадочным, только если допустить возможность древних трансокеанских связей.

Затем настает очередь этнозоологии – и оказывается, что мумии домашних собак, найденные в ранних доинковых захоронениях, поразительно похожи на такие же мумии в захоронениях древнего Египта: бальзамированы собаки определенно одной породы! Затем приходит черед техники, проблемы существования у древних индейцев колеса...

На какое-то время начинает казаться, что Хейердал – полностью на стороне диффузионистов: так настойчиво и увлеченно, и в лоб, и с флангов атакует он изоляционистские концепции. Но Тур Хейердал – отнюдь не догматик; он далек и от того, чтобы решительно все сходства цивилизаций древности объяснять взаимными проникновениями и влияниями. У каждого народа – свой путь, эти пути могут пересекаться и, не пересекаясь, совпадать, и дважды, а то и трижды и четырежды сделанное «изобретение велосипеда» вполне возможно.

Не считая взаимопроникновение цивилизаций единственной пружиной их развития, Хейердал стремится доказать, что древние могли общаться и общались через океан. И есть в этом его стремлении упрямая, гордая вера в беспредельные возможности человека.

...Нет, это не были заурядные моряки, высадившиеся с разбитых бурей или сбившихся с курса судов:

«Передача таких понятий, как иероглифическое письмо, число ноль, техника бальзамирования или трепанация черепа, требует от учителя большего, чем просто знание об их существовании или даже поверхностное владение их секретами. Отряд мореплавателей, способный основать такую культуру, как ольмекская, должен был быть достаточно многочисленным, чтобы включать в себя представителей интеллектуальной элиты своего отечества: вероятно, речь шла о тщательно подготовленной экспедиции колонистов, которая сбилась с курса».

Куда они плыли? Как попали в Америку? Была ли их высадка на американском побережье запланированной или вынужденной?

«Археологическая и летописная история свидетельствуют, что большие организованные группы колонистов в свое время выходили из Средиземного моря, чтобы основать поселения и торговые посты вдоль побережья западной Африки.

Стела в Карфагене повествует о том, как финикийский царь Ханно около 450 г. до н. э. вышел в море с шестьюдесятью судами, полными мужчин и женщин, для того, чтобы создать колонии на атлантическом побережье Марокко. Но и Ханно не был пионером. Задолго до него другие экспедиции, приплывшие из внутренних районов Средиземноморья, основали далеко к югу от Гибралтара, как раз там, где проходит океанское течение прямо к Мексиканскому заливу, огромный мегалитический город Ликсус.

Римляне называли Ликсус “вечным городом” и говорили, что там похоронен Геркулес. Город был построен неизвестными солнцепоклонниками, и самое древнее из известных его названий – “Город Солнца”. Кто бы ни построил Ликсус – ясно, что среди создателей его были астрономы, каменщики, писцы и превосходные гончары».

Проникая все дальше в глубь Атлантики, посланцы Ликсуса могли достичь мест, где ветры и течения подхватили их суда и повлекли на запад – туда, где в небольшой области, окаймляющей Мексиканский залив, вдруг расцвела загадочная культура ольмеков.

Остается последний вопрос: что это были за суда? Какое «плавучее средство» оказалось способным доставить в Мексику тыкву, семена хлопка, колесо, бананы, ткацкий станок и т. д., и т. п.?

Изоляционисты говорят:

«Мореходы, знавшие, как строить пирамиды, едва ли могли бы забыть, как строятся морские суда, на которых они сами приплыли. А между тем у индейцев до Колумба единственно известным типом водного средства передвижения были плоты, каноэ и каяки из бересты и кож, или долбленки, или, наконец, особый вид плотов в форме лодки, искусно связанной из снопов камыша. На чем же явились в Америку африканцы? Неужели же на камыше!?! Или, может, на папирусе?!»

Ирония их как будто даже и основательна, поскольку «...лабораторные исследования, проводимые со связками папируса, показали, что этот материал пропитывается насквозь водой и теряет плавучесть менее чем в две недели. Эксперименты в резервуаре со стоячей морской водой и папирусом показали также, что сердцевина папируса быстро начинает гнить. Поэтому антропологи, специалисты по папирусу и морские эксперты – все согласились с тем, что древние папирусные суда-плоты использовались лишь на реках и озерах, причем их периодически вытаскивали на берег для просушки. Единогласно был вынесен приговор: на таких судах пересечь гладь океана от Африки до Америки невозможно».

Здесь в интонациях Тура Хейердала начинает явственно слышаться сталь:

«Судить о качествах папирусного судна, подвергая испытаниям связку папируса, так же нелепо, как утопить в корыте гвоздь и заключить из этого, что “Куин Мэри” неспособна плавать».

Между экспериментами с материалом и экспериментами с законченным судном существует огромная разница.

Мои собственные испытания судов из камыша на острове Пасхи, в Перу и Мексике по одну сторону Атлантического океана и из папируса на озере Чад и у истоков Нила – по другую произвели на меня чрезвычайное впечатление.

Ни одно другое судно не сравнится надежностью, остойчивостью и грузоподъемностью с такой лодкой».

Последние камышовые лодки употреблялись индейцами племени серис на Калифорнийском заливе еще в шестидесятых годах нашего века; до сих пор они широко распространены на озере Титикака и встречаются кое-где на северном побережье Перу.

В Африке такие же лодки, но из папируса, с двуногой мачтой, с загнутыми носом и кормой, строились на атлантическом побережье Марокко почти вплоть до начала второй мировой войны.

И там, и здесь это были маленькие лодки, на которых плавали полунищие рыбаки. Но старинные рельефы и росписи говорили о лодках подобного типа, однако гигантских, вместительных, двухпалубных – не о лодках уже, а о кораблях, военным строем идущих по океану.

Именно на таких судах древние мореплаватели могли пересечь с востока на запад Атлантику.

Сформулировав для себя эту мысль, капитан «Кон-Тики» уже не знал покоя. Он жаждал эксперимента, жаждал ощутить на губах его соленый вкус, – отправился на Титикаку, затем и Африку, на озеро Чад, разыскал там мастеров-строителей, которые согласились изготовить корабль по древнеафриканскому образцу...

Обо всем этом гораздо подробнее пишет сам Хейердал в книге «Экспедиция “Ра”». А мне надлежит рассказывать о другом.

Планы экспедиции вынашивались, определялся маршрут, проектировался корабль, в каюте которого предусматривалось и для меня место, – а я обо всем этом и не подозревал.

Я занимался своими делами, жил своей жизнью, – а в Советский Союз, в Академию наук шло письмо. В нем Хейердал извещал, что готовится проверять мореходные качества папирусного судна, что формирует интернациональный экипаж и есть в этом экипаже вакансия судового врача. И просил подыскать такового – чтоб знал английский язык, не жаловался на здоровье, обладал экспедиционным опытом и – обязательно! – чувством юмора, потому что предполагаются обстоятельства, в которых оно может оказаться крайне полезным.

Письмо переслали в Министерство здравоохранения, оттуда – в главк. Профессор Николай Николаевич Туровский просмотрел утреннюю почту и сидел в некоторой задумчивости. И пожаловался случайно заглянувшему в кабинет моему другу и начальнику:

– Вот не было хлопот, Хейердал просит прислать врача, где его взять – с английским и с юмором?

– А что его искать, – сказал начальник. – Он есть. Пошлите Сенкевича. Только что прилетел из Антарктиды, здоровый, не укачивается.

Что он прибавил насчет моего чувства юмора, до сих пор не знаю. Между прочим, когда он в тот же день передал мне содержание разговора, я сперва принял это именно за шутку, за розыгрыш. Но положение оказалось серьезным, меня включили в список кандидатов, конкурс был не маленький, видимо, не один мой шеф заходил к Туровскому в кабинет, – и то, что в конце концов повезло мне, а не кому-то другому, разумеется, во многом случайность. Вскоре меня вызвал заместитель министра Аветик Игнатьевич Бурназян:

– Не трусишь?

– Вроде бы нет.

– Почему вроде бы?

– Но ведь я не знаю, чего бояться!

Увы, через три месяца, сидя в самолете, я четко знал, чего боюсь. В который раз листал русско-английский словарь, снова и снова мысленно повторял приветственную речь, ужасался ее высокопарности и банальности, без конца менял варианты, совсем в них запутался и мечтал лишь о том, чтобы самолет – он и без того опаздывал – летел до Каира как можно дальше.

Я боялся встречи с Туром! Боялся показаться неловким, косноязычным, предстать в невыгодном свете, – первое-то впечатление самое сильное, станет он разбираться! Попросту отошлет обратно, что ему – замены не найти?!

Уже в салон пахло прохладным ночным воздухом, пассажиры двигались к выходам, а я будто прилип к креслу. Наконец стюардесса громко спросила: «Есть в самолете русский врач? Его ждут у трапа!» – и я решился, сосчитав в уме до пяти.

У меня в руках была канистра со спиртом, ее не разрешили провозить в багажном отделении, и весь полет пришлось ее баюкать. Прижимая канистру к груди, я медленно спускался по трапу, не сводя глаз со стоявшего внизу молодого, подтянутого мужчины со значком, изображавшим бородастого Кон-Тики, на пиджаке.

Первое, о чем он осведомился, было:

– Что это у вас?

– Спирт, – ответил я.

– Очень рад. – Он прищурился понимающе и довольно ехидно, глядя на внушительную канистру, а я глядел на него, и волнения мои с каждой секундой рассеивались. Мне уже казалось, что мы знакомы давным-давно.

Заготовленная приветственная речь не пригодилась. Тур деликатно отложил расспросы и разговоры на утро, отвез меня в отель и пожелал спокойной ночи.

Однако я почти не спал в ту ночь.

Слишком многое сразу навалилось – перелет, Каир, перемена климата, незнакомые запахи, легендарный Хейердал где-то близко, за стенкой, – короче говоря, я чуть свет был на ногах, и первое, что я увидел, взглянув в окно, была пирамида Хеопса.

Позже я узнал, что номер с видом на пирамиды, так заботливо выбранный для меня Туром, влетел ему в копеечку.

Может быть, об этом надо рассказывать как-нибудь иначе, с восклицательными знаками, лирическими излияниями и краткими сведениями о фараоне Хуфу, но я не умею этого. Вышел из гостиницы, мимо загона, в котором просыпались ослы и верблюды, отправился к пирамиде, стоял у ее подножия, трогал камень рукой и думал о том, что, конечно же, люди, соорудившие такое чудо, могли и переплыть океан, и о том, что связь времен неразрывна, и как это прекрасно и непостижимо, что мне с товарищами предстоит пройти дорогой древних и повторить их маршрут.

Тур Хейердал руководит оснащением лодки «Ра». 1969 г. Фото Николай Кислов.
«Слушающий узнает больше, чем говорящий. И как ветер, так и люди, продолжающие жить среди природы, многое могут рассказать нам такого, чего не услышишь в стенах университетов»

(Тур Хейердал)

А вокруг, несмотря на рассветный час, шумела толпа гидов, они дергали меня за рукава и предлагали сфотографироваться верхом на дромадере, и я позорно удрал от них обратно в отель.

Тур ждал меня и удивился, что я уже успел погулять; кажется, его порадовало, что я – такая ранняя пташка. Легкий завтрак – джем, тосты, масло, кофе, – и мы сели в джип, который повез нас к месту строительства «Ра».

Волновались мы оба необычайно: я – потому, что не терпелось увидеть корабль, Тур – потому, что ждал, как мне понравится «Ра», и страстно желал, чтобы он мне понравился.

Мы беспокойно ерзали на сиденьях, улыбались и переглядывались, и Тур стремился рассказать сразу обо всем: и о том, что скептики пророчат – больше двух недель корабль на плаву не продержится, но это враки, он только впитает влагу – и все, вода в воде не тонет; и о некоем экспериментаторе, который у себя дома в ванне замочил стебли папируса, выдержал их там некоторое время и обнаружил, что гниют, и торжествуя написал об этом Туру...

– А я ему ответил, что нужно менять в ванне воду!

Мы обогнули пирамиды и спустились в лощину, в овражек, там стояло несколько белых палаток, но их я заметил уже потом, – сперва я увидел Ее.

В лучах солнца, начинавшего припекать, желтым золотом сверкала, и блестела, и пахла свежим сеном странная и прекрасная ладья с загнутыми носом и кормой.

Она была словно из сказки.

Она ужасно мне понравилась.

Я обежал ее вокруг, потом обошел медленно, потом, едва дождавшись приглашения, а может быть, даже и не дождавшись, скинул туфли и босиком ступил на ее упругую палубу, она пружинила и напоминала о детстве, о сенокосе в деревне, – как сладко и страшновато

было тогда стоять на верхушке свежего стога, острый медовый запах увядающей травы бил в ноздри, над головой плыли белые облака, и если запрокинуть голову, казалось, что это не облака, что это ты сам плывешь...

Хотелось немедленно заглянуть во все закоулки, потрогать все веревочки и канаты и скорей-скорей закончить сборы, достроить, довязать и дозакрепить все, что нужно, бросить в каюту вещички и отплыть, отплыть наконец!

Тур видел, как я счастлив, и сам был счастлив от этого, и делал вид, что ничего особенного, корабль как корабль, вокруг и кроме него немало интересного. Он потянул меня туда, где в чане намокали папирусные кипы. Взял стебель и опустил его вертикально в бочку, нажал и отпустил резко, и стебель вылетел, как пробка, – вот какая плавучесть! – а Тур сиял.

У него и еще было что мне показать: он подошел к чану и прыгнул, как был, в светлом костюме, на связку папируса, забалансировал, вот-вот упадет, – я испугался, а Тур смеялся и объяснял, что на эту же связку, будь свободное место, могли бы встать еще трое.

Он еще что-то показывал и объяснял, кого-то подзывал, кому-то меня представлял, знакомил меня с будущими моими спутниками, – и уже незаметно я превращался из экскурсанта в полноправного участника работ, что-то уже тащил, привязывал, даже высказывал суждения, даже спорил, – но чем бы я в тот день ни занимался, с кем бы ни разговаривал, куда бы ни глядел, – перед моими глазами стояла сверкающая золотом ладья, ладья Аладдина и Синдбада-морехода, ладья из волшебной сказки о море и солнце – наш чудесный корабль, наш «Ра», на котором предстояло нам плыть.

Глава вторая

Шторм третьей сутки. – Ветераны бодрятся. – Познакомимся, наконец! – «Не слишком ли быстро мы идем?» – Пошли медленнее. – Утро на «Ра-2». – От носа до мачты. – Папирус и примус. – Кстати, о фараоновом действе. – От мачты до хижины. – Как на «Ра-1» все извивалось и скрипело. – Не только смена цифры. – От хижины до кормы. – Кто полезет в воду? – Нельсон под лодкой. – Юби и Синдбад. – Кто чем занят в эту минуту

Итак, шторм продолжается, шторм длится третьей сутки, мы несемся по волнам с угрожающей быстротой, да к тому же нас переваливает с борта на борт. Чувствуешь себя штопором, который ввинчивают и ввинчивают во что-то упругое, не имеющее начала и конца. Состояние не из приятных.

Полнее всех, пожалуй, это ощущает Мадани.

В день отплытия он был горд собой и счастлив, на голове его красовалась повязка с надписью «Ра-2», вышитой разноцветными нитками, – а теперь в его глазах растерянность, страдание, он удивленно взирает на нас, «старых морских волков»: как мы отважились на такое, да еще во второй раз?!

Бедный Мадани, он не знает, что и нас тоже преследуют подобные мысли.

Когда видишь непрерывно движущийся калейдоскоп волн, когда испытываешь на себе их мощь, то кажется, что весь мир сейчас залит ими, пытается противиться им, но тщетно. Даже удивительно, насколько могучи вода и ветер! Мягкую ткань паруса они превращают в стальную пружину, а бесхребетная веревка – только зазевайся! – бьет наотмашь, как спиц-рутен.

Океан пугает. Это верно. Но он дает и силу. Глядя на наших новичков, мы – ветераны – становимся дружнее и сплоченнее. Мы знаем, что защитить их можем только мы.

Давно ли мы познакомились, давно ли узнали друг друга? Шагнул к самолетному трапу загорелый человек со значком Кон-Тики, и у стапеля, возле пирамид, лихо затормозила машина с синими фарами, с ее подножки соскочил черноглазый гигант с ослепительной улыбкой – «Хелло, я Жорж», – когда это было? Тринадцать месяцев назад? А кажется, прошли годы.

Я должен представить своих товарищей, перечислить по порядку тех, чьи имена назывались уже мною не раз.

Не ждите подробных характеристик, мне ведь предстоит возвращаться к этой теме снова и снова, все, что я пишу и еще напишу, – это фактически о них и только о них – а пока лишь перечень, список.

У каждого из нас в судовой роли свой номер. Он определит очередность перечисления.

№ 1. Тур Хейердал. Норвежец. 56 лет. Почетный член нескольких научных обществ, в том числе нашего Географического, член Норвежской, Американской, Мексиканской, Чилийской академий наук, герой «Кон-Тики», автор «Аку-Аку», капитан «Ра-1» и «Ра-2». Женат, пятеро детей – два сына, уже взрослых, и три дочери.

№ 2. Карло Маури. Тридцативосьмилетний итальянец, один из лучших на свете журналистов-фотографов и альпинистов, эта экспедиция – уже двадцать пятая в его жизни. Отец пятерых детей.

№ 4. Сантьяго Хеновес, 46 лет, по рождению испанец, эмигрировал из франкистской Испании. В юности – профессиональный футболист, учился в Кембридже, ныне – профессор Мексиканского университета, антрополог.

№ 5. Юрий Сенкевич, русский, 32 года, врач-физиолог, участник 12-й Советской антарктической экспедиции.

№ 6. Жорж Сориал. Египтянин, 29 лет, инженер-химик по образованию, феноменальный ныряльщик и аквалангист, чемпион Африки по дзю-до. Свободно говорит на шести языках.

№ 8. Норман Бейкер, 42 года, американец, в прошлом – летчик, затем – довольно долго – моряк, затем – владелец строительной конторы. Здесь, на «Ра», – штурман и радист. И – первый помощник Тура.

Два номера я намеренно пропустил. Они принадлежат новичкам – японцу-кинооператору, тридцатидевятилетнему Кею Охара (№ 3) и тридцатилетнему марокканцу Мадани Аит Охани (№ 7). Оба славные люди, и оба пока что существуют несколько на отшибе: это при-скорбно, но естественно, должно пройти некоторое время, прежде чем сгладится разница между ними и нами.

И наконец, есть человек, который не плывет на «Ра», но постоянно здесь присутствует – в наших воспоминаниях, разговорах и шутках – Абдулла Джибрин с озера Чад – он участвовал в строительстве «Ра-1» и путешествовал на нем вместе с нами, был добросовестным матросом и хорошим товарищем, но личные его обстоятельства сложились так, что во второй свой поход мы ушли без него. Однако, повторяю, это ровно ничего не значит, он по-прежнему с нами, и на страницах моего повествования вы еще не однажды встретитесь с ним. А сейчас я вынужден отвлечься, ибо Норман зовет: «Аврал!»

Брас не выдержал, лопнул, как струнка.

Теперь в любую секунду жди, что полетит и второй и тогда неминуемо сломается рей. Быстро-быстро! Мне приказано сменить Нормана у кормила, остальные потеют и кричат, и вот парус пополз вниз и улегся на носу.

Лодка не легла в дрейф; парусила хижина и прочие надстройки, и мы продолжали бежать по ветру, то есть «Ра» шел, как говорят моряки, под одним такелажем. Любопытно, что за несколько мгновений до происшествия мы с Карло разговаривали:

– Хороший ход!

– Хороший, да не слишком ли?

И вот теперь, как по заказу, мы пошли медленнее, и управлять кораблем стало гораздо легче.

Остаток дня не принес событий, кроме холода и качки нас больше ничто не беспокоило. Ночью, на вахте, трясясь от стужи, я думал о счастливой случайности – не вмешайся судьба, не лопни брас, неизвестно, чем бы завершился наш безумный бег по волнам: слишком уж велика была нагрузка, которую испытывал наш корабль, еще не проверенный как следует.

Еще я думал о том, как это важно – быть удачливым. Тур, например, отчаянно удачлив, ему фантастически везет, – но это, наверное, потому, что к любому своему предприятию он тщательно готовится. Он хозяин своего везенья, а значит, и нашего тоже, раз мы плывем с ним вместе, и это несколько успокаивает.

Утро пришло тихое-тихое, солнечное-солнечное.

Океан почти не волновался, берега исчезли, настал миг перевести дух и оглядеться, и вновь нас посетило пленительное чувство: что было, то минуло, а путешествие теперь только и начинается.

Мы умылись, хорошенько, впервые за три дня; неспешно позавтракали; лениво и без особого труда привели в порядок и вернули на место парус...

Это блаженное, замедленное, как в трюковом кино, существование не будет длиться вечно, оно шатко, как палуба под ногами, в каждую следующую минуту может вернуться штормовой сумасшедший ритм, и я хочу воспользоваться передышкой, чтобы помочь вам представить, что же все-таки такое наш корабль.

Встанем на носу «Ра», на самом носу, лицом к корме – то есть не встанем, а сядем, – стоять не позволит толстенный канат, он привязан одним концом к лебедино изогнутому форштевню, а другим – поднимите голову – к топу мачты, она прямо перед нами, десяти-метровая, двуногая, похожая на заглавную букву А, но со многими перекладинами.

Такие мачты ставились на ладьях фараонов, об этом свидетельствуют фрески и рельефы на стенах древних гробниц и модели, из тех же гробниц извлеченные. Строя судно, Хейердал стремился к возможно большей точности реконструкции.

Мачту полузакрывает парус, он тугой, чуть лиловый, из ткани, выделанной по древнему способу, и эмблема на нем тоже древняя, оранжевый диск, олицетворение Ра – божества Солнца.

Под нижней шкаториной паруса, в полутора метрах от нас, поперек дощатого настила, почти от борта до борта, – ящик-клетка, в которой кудахчут куры, наш живой провиант, – весьма вероятно, что и на древних судах стояли такие ящики.

А вон того ящика, поменьше, там наверняка не имелось. В нем – бензиновый моторчик для генератора рации.

Рация и «Ра» – совместимо ли?!

Да, мы не во всем последовательны. Мы храним воду в допотопных амфорах, но и в канистрах тоже, мы плывем на папирусе, но у нас есть радиостанция, кинокамеры и антибиотики.

Экспедиция Тура Хейердала на лодке «Ра». Тур Хейердал и Абдалла Джибрин на капитанском мостике. 1969 г. Фото Юрий Сенкевич

Тур знал, чем рискует, нарушая каноны абсолютной стилизации, он предвидел наскоки тех, для кого наш поход – нечто вроде костюмированного действия, и неоднократно говаривал полушутя-полугрустно:

– Погодите, нам еще скажут, как говорили после «Кон-Тики»: «Ваше плаванье удалось потому, что на борту был примус!»

И все-таки он взял примус, как и многое другое, не существовавшее в эпоху фараонов, взял, игнорируя снобов и злопыхателей, – не до декораций нам, ни к чему, идя через океан на папирусной лодке, еще и тренироваться в добыче огня трением.

Вообще реконструировать исчезнувшую цивилизацию – дело тонкое, противоречивое, тут есть неожиданные оттенки. Например, те же канистры – с одной стороны, взяв их, мы допускаем явный анахронизм, а с другой – они точно так же естественны для нас, как для древних – бурдюки. Нас раздражает привкус воды из бурдюка, но нашего древнего предшественника не меньше раздражал бы запах полихлорвинила; всякой эпохе – свое, и если мы хотим воссоздать психологический статус древних мореплавателей, мы как раз не должны избегать пользования предметами, для нас обычными. Разумеется, в должных пределах, не ставя себя в заведомо выгодное положение, – вот тогда опыт потерял бы смысл.

Кое-какую дань декорациям мы все же отдали. Помнится, когда еще тот, первый «Ра» был готов, Тур устроил «фараоново действо». В лощину за пирамидами, к стапелю, приехали пятьсот студентов-спортсменов. Студенты впряглись в канаты, и после многочисленных переговоров, споров и перестроений ударил барабан, в такт его громовым ударами канаты натянулись – и «Ра» пополз по каткам, подложенным под платформу, а катки двигались по рельсам из деревянных балок; Так передвигали тяжести при Хеопсе.

Надо сказать, что все это происходило не столь стройно и гладко, как изображено на фараонских рельефах. Неразбериха была жуткая, и я тогда впервые увидел Тура злым. Организовать спортсменов оказалось чрезвычайно сложно, каждый тянул в свою сторону – словно ожила крыловская басня о лебедях, раке и жуке. За три-четыре часа лодка сдвинулась метров на пять: съемочные камеры упоенно жужжали, а именитые гости под тенотом аплодировали. Потом студентов распрягли, посадили в автобусы и отправили с благодарностью обратно в Каир, а к лодке подошли два тягача, до того скромно дремавшие в сторонке. Тягачи без шума, моментально вытащили «Ра» на шоссе и втянули на площадку автоприцепа.

Нет, мы не перевоплощаемся в древних, мы испытываем мореходность и живучесть их судов – и только, и когда Карло, готовясь к киносъемкам, раскладывает нам на тарелки зелень и фрукты, мы понимающе гмыкаем: «Экзотический кадр!» – и знаем, что минутой позже, отложив аппарат, тот же Карло досыта накормит нас вполне современными фабричными макаронами.

Кстати, примусы, которыми недруги попрекали Тура, не выдерживают критики, они маломощны, непрочны, ручки регулировки пламени уже отвалились, горелок крайне мало, – чтобы вскипятить воду для супа, нужен час, вряд ли и древним приходилось ждать дольше.

Но продолжим экскурсию. Итак, мы сидим на самом носу, над нами – канат, идущий к мачте, и – чуть дальше – громада паруса, а под ней, перегораживая палубу, – ящики с курами и бензомотором.

Еще дальше, ближе к мачте, – опять ящик, длинный, как лавка, – в нем хранится расходная провизия на ближайшие дни. И снова ларь, повыше, оцинкованный внутри, с кухонной утварью и с пресловутыми примусами, – он расположен по отношению к провизионному примерно как крышка школьной парты к ее сиденью, здесь удобно писать дневник, эти строки именно здесь и пишутся.

Такова схема носовой части «Ра». Вылезайте из-под каната, идем к корме. К ней можно идти двумя путями, и оба – обходные, потому что прямо перед нами возвышается каюта. Или хижина – мы ее называли и так и этак.

Она сделана из бамбука и похожа на плетеную корзину, опрокинутую вверх дном. Высота ее – два с лишним метра, длина – четыре, ширина – три. Таким образом, с обеих ее сторон остается по метру до борта – хотя нет, побольше, если учесть дополнительные бамбуковые же платформочки, они, как крылышки, нависают над водой, по ним, собственно, мы и ходим, ибо к стенкам хижины много чего пристроено, привязано, положено и прислонено.

Как мы обойдем хижину – слева или справа, по правому борту (учтите, мы стоим лицом к корме!) или по левому?

Предлагаю – по левому (который сейчас от нас вправо). Иначе мы ничего, кроме шеренги амфор с пресной водой, укрепленных вдоль стены, не увидим, тут – амфоры, там – край настила и океан, и все, а здесь можно будет по дороге заглянуть внутрь хижины, в оранжевый ее полумрак.

Вдоль плетеной стены тянется завалинка, скамейка-рундук. В прошлом году, на «Ра-1», она возникла стихийно; складывали к стенке разные деревяшки, обломки весел, запасные канаты – и вдруг обнаружили, что на всем этом весьма удобно, приятно и уютно сидеть. Поскольку, оборудуя новый корабль, мы надеялись, что на нем весла будут ломаться значительно реже и обломков может на завалинку не хватить, решено было соорудить ее заранее, на манер нижней полки в вагоне, с ящиками под сиденьем. Там хранятся еда и питье.

А хлеб мы держим в особом месте, очень подходящем и укромном. Над крышей хижины сделана деревянная площадка, на ней мы загораем, бывает, что и спим, на ней же сложены кое-какие вещи, надувная лодка, например, – так вот, между площадкой и крышей есть пространство, широкая щель, там всегда тень и всегда сухо, туда и положен хлеб в мешках из грубой серой ткани.

Вот, пожалуйста, – парадный вход в наш дом.

Входя, слегка пригнитесь: от пола до потолка чуть больше полутора метров. Однако на самом деле пол гораздо ниже, просто его не видно, он скрыт ящиками, придвинутыми тесно один к другому.

Окон нет, но не так уж темно, бамбуковые стенки просвечивают, и брезент, даже двойной, – им укрыта хижина сверху, сзади и с левого борта, – тоже пропускает свет солнца, и в мягкой цветной полутьме легко различить прежде всего восемь наших постелей, четыре и четыре, валетом, ногами к центру, изголовьями к носу и корме.

Вон мое место, в правом переднем углу; остальные места распределены так: головой по ходу, справа налево – Жорж, Мадани, Норман; ногами по ходу, тоже справа налево – Сантьяго, Кей, Карло и Тур.

На стенках развешаны плетенки, сумки, мешки, фотоаппараты, все это раскачивается на деревянных крючках. Специально для меня приспособлен плетеный ларец с медикаментами. И еще один ящик висит в хижине, он, собственно, не ящик, а домик. Ибо нас в экипаже не восемь, а девять, с нами плывет еще один, обойденный пока что вниманием ветеран.

Обезьянку Сафи подарили нам в прошлом году, перед отплытием; ее имя должно было напоминать о гавани, из которой нам предстояло выйти в путь. Сафи, озорное и предприимчивое существо, проделала с нами весь маршрут, мы с ней крепко подружились и, когда затевалось новое плаванье, решили, что стоит возобновить контракт и с ней. Среди наших загорелых лиц не раз мелькнет на этих страницах и ее забавная мордочка.

Да, хижина... В первых записях моего прошлогоднего дневника есть такие строки:

«...В хижине хорошо, но она ходит ходуном со страшной силой, кажется, сейчас рухнет, и потом, в ней не видно, что происходит снаружи».

И еще:

«...Когда лежишь в хижине ночью... ощущаешь сильное движение и изгибание корпуса... С ним ходит вся каюта, и возникает звук, похожий на шуршание сухого сена...»

Смешно вспомнить, но в начале плавания на «Ра-1» я старался под любым предлогом выбираться на палубу: на палубе страшно, а в каюте еще страшней, сразу начинает казаться, что корабль переворачивается.

А потом пришло успокоение и, наоборот, чудилось, что, привалившись в своем спальном мешке к шаткой стенке, ты отгородился от всех бед, словно не плетень из сухих прутьев отделяет тебя от океана, а, по крайней мере, дубовая корабельная бортовая доска.

Все же тот, первый наш «Ра», был не очень надежен, теперь-то можно это сказать.

Мы любовались им, когда он возникал на строительной площадке, радовались, ступив на его палубу, а расставшись с ним, глотали искренние слезы. Последнее не мешало нам понимать, что этот уродец-работяга был, конечно, никакой не корабль, а, употребляя любимое выражение Тура, – плавучий стог.

В сущности, он представлял собою плот из снопов папируса, соединенных и уложенных в два слоя, которые, в свою очередь, были притянуты друг к другу веревками и канатами. Каждый сноп плыл как бы сам по себе, поднимался и опускался, как рояльная клавиша, – мы путешествовали словно на целой стае игрушечных корабликов, где у каждого – свой нор, хорошо хоть всем им было с нами по пути.

Тур этим восторгался; он объяснял: главный секрет «Ра» – его эластичность, он и волны взаимно огибают, обтекают друг друга и потому нашему судну не опасен никакой девятый вал.

Действительно, как ни трепало нас, мы не перевернулись, не утонули. И все же «Ра-1» был довольно кустарным сооружением. Кривобокий, несимметричный, хижина не по оси, а набекрень. Корма почти сразу же начала намокать и погружаться, и правый борт оседал на глазах, так что большую часть пути мы проделали полупритопленные, словно накренились однажды для виража, а выпрямиться раздумали.

А уж о рулевых веслах что говорить, о несчастных веслах, ломаных-переломанных, сколоченных и связанных и снова ломаных...

Однако, несмотря ни на что, «Ра-1» честно исполнил свои долг. Он был первопроходцем, отважным разведчиком, и мы ему искренне благодарны.

Между первым и вторым «Ра» есть существеннейшее различие, отсюда, с палубы, незаметное. Чтобы увидеть его, нужно нырнуть в зеленую воду и проплыть под днищем. И тогда над тобой нависнут громадные тени, словно две китовые акулы плывут в обнимку, – это наш теперешний корпус. Никаких гирлянд и связок – пара веретен из папируса, двухметровой толщины и двенадцатиметровой длины, натуго перевязанных.

В прошлом году у нас была плоскодонка, нынче – катамаран. Как вы знаете, у катамарана два корпуса, соединенные помостом, а уже на помосте размещаются надстройки.

Катамаран для океанских волн очень подходит, мы уже успели в этом убедиться.

Каждый папирусный стебель, из которых сделаны веретена, обработан с обоих концов битумом, так что в теле «Ра-2» – как бы тысячи маленьких изолированных отсеков. Это должно существенно увеличить его плавучесть. А в нижней, подводной части корпуса битум отсутствует, там нет отсеков, и папирусные стебли могут беспрепятственно набухать и тяжелеть, повышая тем самым остойчивость корабля.

Что и как там, однако, набухает и тяжелеет, никто из нас еще не знает, не видел, – сейчас как раз предстоит это выяснить – намечена экскурсия за борт, и меня зовут для консультации: кому лезть – Норману или Жоржу.

Вообще-то все права на стороне Жоржа, он и по судовой роли аквалангист, но Жорж – об этом никто не подозревает, даже он сам, – слегка мною наказан. Еще в Сафи, до отплытия, Жорж вдруг стал жаловаться на приступы шейного радикулита, и я лечил его, но заметил однажды, что симптомы какие-то странные, болит, по его словам, справа, а шею он кривит,

наоборот, влево, – и засомневался: так ли уж болен веселый мальчик Жорж? А не хочет ли он просто высвободить себе чуть-чуть лишнего времени?

Я никому не поведал о своих сомнениях – в конце концов, уловка Жоржа была слишком невинна. Приняв сугубо врачебный вид, я с профессорскими интонациями констатировал, что положение весьма серьезно и чревато последствиями и что я запрещаю пациенту лезть в воду раньше чем через десять дней после того, как приступ кончится.

Экспедиция Тура Хейердала на папирусной лодке «Ра-2» начинает свой путь к берегам Центральной Америки из марокканского порта Сафи. 1970 г. Фото Юрий Сенкевич.

«Границы? Никогда не видел их, но слышал, что они существуют в умах большинства людей»

(Тур Хейердал)

Метил я коварно, в самую уязвимую точку: вот сейчас выпал случай превосходно выкупаться и понырять, и Жорж, истосковавшийся, глядит на волны с вожделием, но Тур помнит о моем запрете:

- Как считает врач, можно Жоржу под воду?
- К сожалению, десять дней не истекли...
- Хорошо, тогда пойдет Норман.

Жорж в отчаянии, клянется, что будет беречься, что наденет гидрокостюм, – он смотрит на меня огромными молящими глазами, и подмигивает, и делает всяческие знаки: сделай милость, не откажи в любезности, поддержи!

А я медлю и колеблюсь.

Если не пустить Жоржа, пойдет Норман. А с Норманом у Жоржа в прошлом году бывали трения на этой же самой почве, Жорж невероятно ревнив, когда речь идет о подводных делах. Ладно уж, будем считать, что урок получен достаточный...

– Лезь, черт с тобой, медицина не возражает.

Счастливый Жорж плюхается в воду. Я вполне его понимаю, сам бы сплавал с удовольствием.

Помню, как в прошлом году – это был, кажется, двенадцатый день путешествия, – мы с Жоржем, привязанные тонкими манильскими канатами, совершили первое погружение, нырнули, течение сразу подхватило нас и поволокло, пришлось цепляться за обвязку папируса и усиленно работать ластами, мы сделали несколько кругов под кораблем, это была фантастическая картина – «Ра» снизу! – и выяснилось, что днище в превосходном состоянии, ничуть не пострадало от штормов, и с какой радостью мы, вынырнув, доложили об этом Туру!

Ужасно люблю подводное плаванье, но для меня оно все же не более чем забава, а для Жоржа – дело жизни, любовь навсегда, он человеком себя не считает без этого – пусть резвится, он сейчас напоминает ребенка, которому вернули отобранную было игрушку.

Вот он уже вылезает, замерзший отчаянно, окоченевший – теперь ему необходим массаж со спиртом, и я вступаю в свои профессиональные права.

Оханьям и аханьям не было конца. Норман только глаза тарачил, глядя, как я мну Жоржа, не щадя ни своих, ни его мышц, – кажется, наш штурман был теперь даже доволен, что искупался не он, а Жорж.

Отдышавшись, Жорж сообщил, что под днищем лодки плывет группер, огромный, чуть не полутораметровый, и что он очень дружелюбен. Мы решили его не убивать и нарекли Нельсоном.

Итак, считая Нельсона, нас теперь в экипаже одиннадцать.

Мы восьмеро – это во-первых; обезьянка Сафи – во-вторых; в-третьих, среди кур, взятых для еды, опять, как в прошлый раз, объявилась утка, селезень, и мы снова назвали его Синдбадом, так что теперь у нас «Ра-2» и Синдбад-2.

А в-четвертых, ночью – она была тишайшей, мы едва двигались, и луна ярко светила – какая-то птица ударилась о парус, скользнула по нему, взлетела, сделала круг и опустилась на крышу хижины.

Я позвал Сантьяго, он дал мне сачок, и через минуту гость был в наших руках. Это оказался голубь, почти натуральный сизарь, и не простой, а окольцованный, – как следовало из надписи, в Испании, в 1968 году.

Его посадили в клетку, а утром решили отпустить, насильно покормили напоследок и подбросили в воздух, он покружил и снова уселся на площадку. И мы поняли, что он никуда не собирается от нас улетать, взяли его на довольствие и выбрали для него имя Юби – в честь грозного африканского мыса, мимо которого нам еще предстоит проходить.

Этим не кончилось. Тем же утром к нам залетела птица невероятно пестрой окраски, с длинным клювом, никто не знал, как она называется. Она сидела на мачте и не желала спускаться, Норман отнес ей туда поесть и попить в кружке. К вечеру она забралась между крышей хижины и площадкой и уснула. А на следующее утро появилась еще птичка, малюсень-

кая, вроде синицы, за ней еще такая же, потом третья, они принялись чистить нашу лодку, выковыривать из папируса мух и жучков.

Заниматься наведением порядка на корабле приходится не только птичкам. Я полез под кормовую бамбуковую палубу и обнаружил, что запасные веревки и деревянные начали плесневеть, мы их вытащили, рассортировали вместе с Туром и выбросили половину. Тур обещал, что остальное выбросим, когда пройдем мыс Юби и сделаем все столярные работы. А пока дерево еще нужно – предстоит укрепить мостик, сколотить гнезда для посуды на обеденном столе и так далее.

Между прочим, отправили за борт и модель папирусной лодки, весьма большую, «действующую» – мы предполагали вести с нее киносъемки, но убедились, что это неудобно: лодка для оператора должна обладать собственным ходом, а идя на буксире, много ли снимешь? Да и слишком верткой модель оказалась. Так что мы от нее избавились, Тур привязал к ней бутылку с запиской – просил нашедшего сообщить, где и когда найдена, обещал вознаграждение.

Повторяется история прошлого плавания – в нем четко прослеживались два этапа: на первом, до отплытия, мы тащили на корабль, что только могли, а на втором – после старта – принимались дружно и азартно все, что можно, выбрасывать.

Психологически это очень объяснимо; если вдруг обнаруживаешь, что папирус впитывает воду чересчур интенсивно и корабль оседает чуть не на глазах, многие вещи становятся лишними.

Да, похоже, что опять мы путешествуем на кусочке губки, – но об этом потом. Позвольте пока что пригласить вас на мостик.

Мостик пристроен к задней стенке хижины и снабжен трапом по левому борту. Кстати, то, что трап именно слева, не лучший вариант, потому что тут стоит вахтенный и подниматься неудобно.

Весла на этот раз у нас надежные – громадные сосновые бревна со съемными лопастями из кипариса и мощными, кривыми, похожими на ятаганы рукоятями. Правое закреплено намертво, ибо в нем до сих пор нет нужды, левое – постоянно в ходу. Только не нужно думать, что им гребут. Грести такой машиной и физически невозможно, а главное, не требуется. Нас движут ветер и течения, а веслом мы правим – поворачиваем его вокруг оси, фактически оно не весло, а руль, гигантский, с прямоугольным пером и саблевидным румпелем.

Руль опущен в воду наклонно и покоится средней своей частью на массивной балке, положенной поперек палубы между мостиком и кормой.

До кормы уже рукой подать, метра полтора-два. На этих метрах не разгуляешься, тесновато, причем теснота – в трех измерениях: над головой нависают, снижаясь, рули, а навстречу им с загнутого конца ахтерштевня тянется канат, напряженный, как тетива, и уходит под мостик – он сообщает ахтерштевню необходимую жесткость.

Здесь тоже использовано все пространство: мостик обшит бамбуком, и внутрь, между свай, уложена всякая всячина, вроде запасных канатов или мотора к «Зодиаку», надувной лодке, – все то, что мы уже, по своему обыкновению, начали понемногу отсюда убирать и перемещать.

Что еще? Еще за кораблем на длинном канате болтается буй – чтобы упавший в воду имел шанс поймать убегающий «Ра» за хвост.

На этом экскурсия завершается.

Островок размером двенадцать метров на пять, клочок соломы посреди океана, гладкого и недвижимого в эти часы, как озеро, – и на островке восемь мужчин, уже малость небритых (кое-кто принялся отпускать бороду), слегка оглушенных пережитой трехдневной передрягой и отнюдь не теряющих бодрого расположения духа.

Помню, в прошлом году я с торжеством записал в дневнике: «Сегодня – первый ленивый день на “Ра”!» – это случилось уже где-то к середине пути, после изнурительной возни с веслами, а верней, с их обломками, после штормов, после мыса Юби, – нынче передышка настала значительно раньше.

Передышка, впрочем, весьма относительная.

Раньше по наивности представлялось: плыть – значит рулить понемножку, поглядывая вдаль. Оказывается, плыть, во всяком случае, на папирусе, – это непрестанно что-то приколачивать, надвязывать, разбирать, сортировать, переносить, словно мы переехали в новую квартиру и никак не можем устроиться.

Нужно, например, попробовать собрать и испытать резиновую лодку «Зодиак». И вот она разложена на площадке хижины и начинается решение головоломки: какая деталь куда вставляется. Инструкция, естественно, куда-то засунута или вообще оставлена в Сафи. Вариантов множество, страсти кипят, собирается консилиум. Норман, как самый сведущий, приглашен персонально, он долго прикидывает так и этак, щурится и наконец пожимает плечами: требуется поразмыслить, вернемся к этому вопросу завтра, со свежими силами.

А пока назрела необходимость разобраться с трапом, ведущим на мостик, – почему бы не перенести его с левого борта на корму?

Не успели покончить с трапом, как зовет встревоженный Норман: он заметил серьезный беспорядок – рей перетирает канаты, которыми стянуты вверху две ноги мачты. Это уж совсем ни к чему! Мачта может распасться, развалиться и рухнуть! Нужно что-то придумать, ломаем головы, потом долго-долго ищем кусок кожи для прокладки. Кожи не находим, решаем заменить ее фанерой. Теперь, когда нет ветра и парус безжизненно висит, рей трется о фанеру с противным скрежетом, но зато снасти останутся целы.

Так и живем. В непрестанных хлопотах, занятые тысячей вроде бы пустяковых дел, а попробуй пренебречь хоть одним – начнется цепная реакция, как в балладе про гвоздь и подкову: лошадь захромала, командир убит, конница разбита, армия бежит, и так далее, чем дальше, тем печальней.

Кое-кто, читая эти строки, будет разочарован.

Он предпочел бы, возможно, чтобы отсвет подвижничества падал на любые наши поступки, чтобы сознание высокой научной миссии помогало нам драить кастрюли, чтобы ежеутренне и ежевечерне, собравшись на юте, мы хором провозглашали здравицу проблемам древних трансокеанских связей.

Не было этого!

Клятвы обесцениваются, если их без конца повторяют; что касается нас, то мы поклялись однажды и навсегда, ступив на палубу «Ра», а дальше, не произнося громких слов, просто старались доплыть и выжить, ибо в этом, в конечном счете, и заключалась суть эксперимента. Фритьоф Нансен, зимую на «Фраме», не забывал о благородных целях и задачах своей экспедиции – но на страницах его дневника нет высокопарных излияний. Зато там есть подробные описания обеденного меню...

Сейчас я попробую остановить мгновенье, сделать как бы моментальный снимок – кто чем занимается на борту «Ра» в эту минуту. Подчеркиваю: минута совершенно безмятежная и спокойная, никакого аврала нет.

Полдень солнечен и горяч, на голубизну океана лучше не глядеть – глазам больно. По-прежнему штиль, парус повис и рули неподвижны. Их рукояти торчат над мостиком, как рога быка, и, положив на них, больше для порядка, руки, мается Сантьяго – вахта его не очень оправданна, днем в тихую погоду мы вообще стоим на мостике больше для порядка, но тем не менее порядок есть порядок и Сантьяго добросовестно скучает. Сейчас я его развлеку, поднимусь к нему и спрошу о чем-нибудь по-русски, а он ответит по-испански, и мы оба

будем гадать, что спрошено и что отвечено: такая у нас игра, учимся понимать друг друга по интонации.

Впрочем, весьма вероятно, что я не доберусь до мостика, меня по дороге может перехватить Карло. Карло возится на камбузе, он занят обедом – так вышло, что Карло еще с прошлого плавания наш почти постоянный кок, никто на него эту обязанность не возлагал, он сам ее выбрал и исполняет с удовольствием, хотя и не без ворчанья, чтобы чувствовали и почаще хвалили.

Коллега Карло по штатной роли, Кей, устроился под мостиком, что-то он там пилит, точит, он вообще целыми днями трудится, как пчелка, и я не знаю, есть ли что-нибудь, чего Кей не умеет. До того как стать телевизионным кинооператором, он сменил двадцать восемь профессий: работал в прачечной, водил такси, был закройщиком, столярничал и т. д., – из всех нас он самый прилежный и старательный, и Тур на него не нарадуется.

Карло Маури (1930–1982) – итальянский альпинист и путешественник, участник экспедиции Тура Хейердала

Сам Тур сидит у входа в хижину, в руке его ножик – строгают деревянный брусок, интересно, для чего? И с каким же удовольствием он это делает!

Помню, чуть не в первый день нашего путешествия на «Ра-1» я увидел, как Тур разбирает вещи в своей сумке, сматывал нитки, приводил в порядок ножички, сверлышки, стамески, – увидел и усомнился, точно ли передо мной всемирно известный ученый и общественный деятель?!

Вероятно, подсознательно ожидалось, что он в основном будет высидеть на мостике, приложив ладонь козырьком ко лбу, изъясняться же исключительно афоризмами. А вот он, Тур не выдуманный, а настоящий, сидит и блаженствует, мастерит черпак для воды – обрезал ручку у пластмассовой кружки, приделал длинную палочку и любит ее.

По-иному сосредоточен Норман. Его качают, вдобавок к океанским, еще и радиоволны, он весь там, в наушниках, в шорохах и плесках, возникающих в их глубине.

Связь держать трудно, Норману подолгу приходится сидеть над рацией в полумраке хижины: в прошлом году мы принялись как-то хвастаться друг перед дружкой загаром, и вдруг Норман вздохнул: «Конечно, а кое-кто так и останется белым как молоко!» Он – настоящий парень, отважный моряк, умелый радист, – вот он поймал какого-то радиолюбителя из Флориды, затем еще двоих, и наконец заулыбался: на связи Крис Бокели, норвежец, знакомый нам по прошлому году. Можно передать все, что хотим: координаты, новости, телеграммы родным.

Теперь о моем приятеле Жорже. Куда бы мне его в эту минуту поместить? Проблема гораздо серьезней, чем кажется.

Вообще-то Жорж в данное мгновение кончил умывать и переодевать обезьяну и приводит в порядок посуду на камбузе, он нынче «кухонный мужик». Но фиксировать это я остерегаюсь. Однажды, а если точно, то 27 июня прошлого года, на борту «Ра-1» Тур по обыкновению читал нам свой очередной предназначенный для пересылки по радио репортаж. Прочтя, он спросил: «Ну, как?» – и мы выразили свой восторг, Сантьяго, правда, внес пару стилистических уточнений, но это дела не меняло. И вдруг Жорж заворчал: «А почему я оказался на камбузе, хотя на самом деле был на носу?». Тур стал объяснять, что так наглядней видна работа экипажа. Но Жорж возразил: «Я второй раз оказываюсь на камбузе, я там уже был в прошлом репортаже». Делать нечего, пришлось Туру перекраивать абзац, а товарищи принялись наперебой предлагать Жоржу самые выигрышные места: «Хочешь на мостик?» – «А на мачту хочешь?» – «А за борт на тросе?» – и Жорж в конце концов смущенно примолк.

Что же предпринять, ведь Жорж сейчас действительно на камбузе, а ну как он опять сочтет этот пост невыигрышным и огорчится?

Вот что, отправлю его на корму, с удочкой, – правда, в этом году он еще ничего не поймал, но зато какое почетное занятие, достойное мужчины и спортсмена!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.